

Джеймс Блэк

ИСЧЕЗАЮЩИЙ
ГНОМ

Приключения Джонатана Бинга

Джеймс Блэйлок

Исчезающий гном

1983

Блэйлок Д.

Исчезающий гном / Д. Блэйлок — 1983 — (Приключения Джонатана Бинга)

«Волшебный мир, представленный самым что ни на есть волшебным образом... очутившись там, вы ни за что не захотите его покинуть – тем более забыть», – маг и кудесник Филип Дик не скупился на похвалы своему юному другу и протеже Джеймсу Блэйлоку. Впервые на русском – второй роман фэнтези-трилогии, в которой действуют и гномы, и эльфы, но трилогии, настолько непохожей на «Властелина Колец», насколько это возможно; трилогии, населенной чудаками и эксцентриками, словно бы сошедшими со страниц Диккенса или Стивенсона. Обнаружив, что праздная жизнь ему наскучила, мастер-сыровар Джонатан Бинг отправляется на поиски новых приключений. Найденная в пустом замке злого гнома Шелзнака карта с указанием места, где спрятаны сокровища, приводит наших героев в волшебную страну Бэламнию, где выясняется, что Шелзнак еще отнюдь не сказал свое последнее слово...

Содержание

Глава 1. Жизнь в праздности	5
Глава 2. Жабы на лугу	10
Глава 3. Лачуга на болоте	15
Глава 4. Пещера Мальтиуса	21
Глава 5. Гоблины	28
Глава 6. Смех в тумане	35
Глава 7. По следу сквайра	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джеймс БЛЭЙЛОК

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ГНОМ

*Посвящается Вики и Джони,
без чьих мудрых советов и замечательного примера
я не смог бы создать эту книгу*

– Какое же заключение выводил ты, капрал Трим, из всех этих посылок? – вскричал отец.

– Отсюда я, с позволения вашей милости, заключаю, – отвечал Трим, – что первичная влага есть не что иное, как сточная вода, а первичная теплота для человека со средствами – эжсенка; для рядового же первичная влага и первичная теплота всего только, с позволения вашей милости, сточная вода да чарка можжесевеловки. Ежели ее дают нам вдоволь и не отказывают в табачке, для поднятия духа и подавления хандры, – тогда мы не знаем, что такое страх смерти.

Лоренс Стерн. Тристрам Шенди (Пер. А. Франковского)

Глава 1. Жизнь в праздности

Стоял конец мая, и в городке Твомбли становилось все теплее. Большой медный калейдоскоп выкатили из-под крытого дранкой навеса, где его, как обычно, хранили всю зиму, чтобы он не позеленел и не развалился на куски от сырости. Теперь он стоял посреди зеленого, как море, островка мха, который вырос в конце прошлого года на том небольшом участке земли, где приземлился воздушный корабль господина Твикенгема. Никто, даже Профессор Вурцл, не мог определить причину, по которой здесь вырос этот странный мох. Но он был покрыт сотнями маленьких цветочков, образующих радугу пастельных тонов, и казался во всех отношениях настолько красивым, что, право же, было неважно, откуда он взялся.

Мэр Бэстейбл нанял для присмотра за этим участком помощника городского садовника. Однако погода была такой необычайно хорошей, а вид этих цветов – таким мирным и идиллическим, что парень три дня подряд засыпал посреди мха, и мэру пришлось платить одному мальчишке за то, чтобы тот ходил и будил его примерно раз в полчаса.

Оказалось, что мох, который вырос сам по себе и который, вероятно, мог продолжать и дальше в том же самом духе, вообще не нуждается в услугах садовника; так что мэр Бэстейбл учредил департамент сельского хозяйства и поручил помощнику садовника сажать клубнику вдоль всех аллей. А тот разбил большую грядку еще и за сыроварней Джонатана Бинга.

Двадцать четвертого мая Джонатан копался на этой грядке с клубникой, пытаясь найти несколько спелых ягод, чтобы размять их и положить на мороженое. Его пес, старина Ахав, тоже был там и бегал вдоль грядок, принюхиваясь к запаху. Он не особенно интересовался ягодами. По правде говоря, можно было с достаточной уверенностью предположить, что ему больше нравится мороженое, на котором не лежит ничего. Однако в клубнике водились некие жучки, за которыми Ахав любил гоняться. Так что оба – и хозяин, и пес – обосновались среди невысоких ползучих стеблей и занимались делом или, по крайней мере, пытались им заниматься. Если честно, то жучков там было не больше, чем клубники, и в ближайшие две недели их количество не должно было увеличиться.

В декабре прошлого года Джонатан очень удачно продал свои сыры с изюмом. Он получил такую значительную прибыль, торгуя с гномами на побережье, что денег ему должно было

хватить на несколько месяцев. В предыдущем январе он уже подумывал о том, чтобы совсем не заниматься сыроварением в течение девяти месяцев в году, потом осенью сварить большую партию сыра с изюмом, продать ее ниже по течению и вновь предаваться безделью всю весну и лето. Эта мысль была ему по душе – настолько по душе, что он уговорил себя попробовать воплощать ее в жизнь в течение года. Он даже нанял себе помощника – Тэлбота, внука старого Бизла. У этого парня была привычка разгуливать по лесу, играя на тубе¹, из которой он извлекал ужасающие звуки. Он говорил, что делает это, чтобы отпугивать медведей и гоблинов. Джонатан спросил парня, не проще ли было бы вообще не гулять по лесу и, таким образом, не возиться с тубой, но Тэлбот ответил лишь, что это «не в его стиле».

Однако у него были потрясающие способности к сыроварению, и к первому мая он уже мог самостоятельно изготовить сколько угодно превосходного сыра. Джонатан же к этому времени начал вести праздную жизнь, то есть заниматься тем, чего ему хотелось уже долгое время.

Люди, ведущие праздную жизнь, все время фигурировали в книгах Дж. Смитерса из Бромптона, любимого писателя Джонатана. Каждый из них носил белый костюм, чтобы привлечь внимание случайного прохожего к своему статусу человека праздного; и в книгах Дж. Смитерса такой прохожий, если у него было хоть какое-то понятие о приличиях или хоть немного разума, неизменно бывал потрясен. Поэтому Джонатан купил в магазине Бизла белый костюм и бамбуковую трость и где-то через неделю собрался с духом, чтобы выйти в таком виде на улицу. Он отправился в путь, убедив себя в том, что выглядит достаточно неплохо, но на полдороге к городу встретил своего друга Дули, и тот совершенно невинным голосом заметил, что в этом костюме Джонатан выглядит точь-в-точь как гиббон, которого он однажды видел в балагане в Монмуте. После этого замечания Джонатан решил не идти в город. Вместо этого он вернулся домой и спросил Тэлбота: на кого он больше похож – на человека, ведущего праздную жизнь, или на гиббона? Тэлбот, который только что вышел из леса со своей тубой, сказал, что, по зрелом размышлении, это примерно одно и то же.

В результате Джонатан отказался и от белого костюма, и от идеи стать человеком, ведущим праздную жизнь. Позже, на той же неделе, он подарил костюм Дули, и тот, ничего не имевший против обезьян любой породы, надел его, когда уезжал на юг на встречу со старым Теофилом Эскарготом, своим дедом. Если верить Дули, они направлялись в тропики – где такой костюм будет как раз кстати, – чтобы стать пиратами на подводном аппарате Эскаргота.

С тех пор Джонатан успел покрыть крышу дранкой, соорудил для окон новые защитные сетки и укрепил вдоль восточной стены дома, которая протекала во время дождя, ряд ставен. Он подумывал о том, чтобы разломать входную дверь на кусочки и сделать новую, но решиться на это пока еще не мог. Он проштудировал половину работ Дж. Смитерса, уже довольно давно придя к выводу, что чтение, возможно, самое прекрасное из всех занятий в мире, которыми можно заниматься в часы досуга. Но потом оказалось, что у человека, ведущего праздную жизнь, нет праздного времени, время, которое у него есть, и причем вагонами, – все сплошь одинаковое, не поддающееся определению, и чтение с целью заполнения огромных объемов подобного времени не приносит такого удовлетворения, как могло бы. Так что он отложил в сторону очередную книгу Дж. Смитерса, позвал Ахава и двинулся в сторону клубничной грядки. После этого первого месяца праздной жизни Джонатан счел, что ему лучше бы вернуться к своему прежнему занятию и опять стать сыроваром. В конце концов, человек должен работать – по крайней мере так говорят философы. И он как раз решил вернуться к своему делу, когда на тропинке, ведущей от города, показался решительно шагающий Профессор Артемис Вурцл, облаченный в потрясающий прогулочный костюм на подтяжках.

¹ Туба – музыкальный инструмент. (Примеч. ред.)

Профессор казался даже слишком решительным. Было совершенно очевидно, что целью его визита являются не просто весенние грибы или водоросли и колюшки ² для аквариума. Ахав, виляя хвостом, побежал по тропинке ему навстречу, подозревая, что у Профессора в нагрудном кармане есть что-нибудь вкусненькое – собачье печенье или кусочек сыра. Профессор выудил из кармана одно из тех квадратных печений с привкусом ржи, что продавались в магазине Бизла, и протянул его псу, который остался очень доволен.

– Привет, Профессор, – сказал Джонатан.

– Привет, Джонатан, – последовал ответ. – Я только что был в городе. Разговаривал с Бизлом. Он говорит, что ты начал вести праздную жизнь.

– Последние пять минут уже нет, – отозвался Джонатан. – Я отказался от нее. Она была слишком утомительной. Я не мог все бросить и отдыхать, как сказал бы Дули.

– А как насчет костюма? Бизл говорит, ты купил удивительный костюм и он тебе очень к лицу.

– Меня постоянно принимали за гиббона, – признался Джонатан. – Боюсь, от белых костюмов мне мало проку.

– От них никому не бывает много проку, – объяснил Профессор. – Особенно по ночам. У них есть свойство притягивать к себе лунные лучи. Нечто вроде осмоса. В конце концов человек сходит с ума. Когда я учился в университете, то проводил исследования по этому вопросу. Ни один человек в белом костюме не может долго оставаться в своем уме, в особенности если он выходит на улицу после наступления темноты.

– Тогда хорошо, что я от него избавился, – заметил Джонатан. – Я стал бы безумным гиббоном. Ужасающая мысль. Однако я отдал костюм Дули, а Дули ничего не знает об этом лунном безумии.

Профессор какое-то время размышлял над этой проблемой, но потом пришел к выводу, что, возможно, Дули лунные лучи не принесут особого вреда. Он начал объяснять Джонатану что-то насчет научного принципа точек насыщения, но здесь, на солнце, было слишком жарко для подобных лекций. Джонатан предложил зайти в дом и выпить чая со льдом. Ахав же помчался следом за юным Тэлботом, который брел в сторону леса со своей тубой.

В общем-то, в доме Джонатана было относительно прохладно. Здесь царил такое изобилие окон, что ветерок мог залететь практически отовсюду. Со всех сторон дом окружали дубы, тюльпановые деревья и гибискусы, которые защищали крышу от солнца. Дом и три небольшие хозяйственные пристройки – коптильня, сыроварня и лавка – стояли на невысоком холме примерно в четверти мили от города. Дом мэра Бэстейбла располагался в двух сотнях ярдов к востоку, а между ним и домом Джонатана было обширное пастбище. К северу, за сыроварней и коптильней, был разбит маленький сад, частично отгороженный переплетением клубничных кустов, которые простирались до самой опушки леса. Дальше, на столько миль, на сколько можно было пожелать, раскинулись густые леса, поднимающиеся из долины к далеким, затянутым дымкой горам. В ясный день Джонатан, сидя у себя в гостиной, мог видеть покрытые снегом пики этих гор, удаленные на много-много миль.

– Замечательный у тебя отсюда вид, Джонатан, – прокомментировал Профессор, стоя у окна со стаканом охлажденного чая в руке.

– Это так.

– Он дает чувство удовлетворения, – улыбнулся Профессор. – Этот сад, твое большое крыльцо, раскинувшаяся вокруг долина... тяжело было бы все это оставить.

– Невозможно.

Джонатан обратил внимание на решительное выражение на лице Профессора и начал подозревать, что все эти разговоры о доме и домашнем очаге к чему-нибудь да ведут.

² Колюшка – вид рыбы. (Примеч. ред.)

– Но как человек праздный, который целыми днями только и делает, что глазеет из окон да стоит на клубничной грядке, ожидая, когда поспеют ягоды, ты подвергаешься ужасному риску, Джонатан.

Джонатан кивнул:

– Именно то, о чем я говорил. Такое количество свободного времени совершенно сбивает людей с толку.

– Точно. Что тебе нужно, так это отдохнуть от всего.

Значит, вот в чем было дело. Это объясняло решительный вид Профессора. Он собирался отправиться в путешествие и намеревался уговорить Джонатана поехать с ним.

– Но я только что вернулся домой, – уныло сказал Джонатан.

– Мы вернулись шесть месяцев назад, – возразил Профессор, – и у тебя уже скучающий вид. Скука висит над тобой, как маленькое облачко. Говорят, стоит человеку раз испытать, что такое дорога, и он всегда будет стремиться к ней. Это как пиво из корней, или бренди, или зеленые оливки. Путешествие прочно входит в твою кровь.

– Я не уверен, что те, кто говорит это, правы, – не уступал Джонатан. – И к тому же мне нужно присматривать за сырами.

– За сырами может присмотреть Тэлбот.

– И потом, мой сад, – слабо продолжал сопротивляться Джонатан. – Он весь зарастет сорняками.

– Оставь его мэру, – предложил Профессор. – И в любом случае, как ты думаешь, сколько этих цукини ты сможешь съесть? Еще не родился тот человек, который мог бы есть цукини три дня подряд и сохранять нормальное выражение лица. И я, кажется, припоминаю, Джонатан, ты говорил что-то насчет визита к Сквайру этой весной. Что случилось с этой идеей?

– Не знаю.

Джонатан сделал последний глоток чаю со льдом и посмотрел на небольшое пятнышко сахара, расплывшееся на дне стакана. Было бы и правда здорово увидеть Сквайра, не говоря уже о Буфо, Гампе и Ветке. И было бы приятно путешествовать ради своего удовольствия, а не по делу.

– Почему этот сахар не растворяется, как ему положено? – спросил он Профессора. – Можно мешать целый час, и все равно на дне стакана останется сахар.

– Все дело в химии, – со знанием дела ответил Профессор. – Очень сложный процесс.

– Правда? – Джонатан, похоже, был удовлетворен. – А когда ты хочешь отправиться в это путешествие?

– Вот настоящий путешественник! – воскликнул Профессор Вурцл, наливая себе еще чаю из зеленого стеклянного кувшина. – Мы выступаем в путь завтра. На рассвете.

– Это невозможно. Мне нужна неделя, – возразил Джонатан.

– Зачем?

– Мне нужно проинструктировать этого парня насчет сыров.

– Я ел один из сыров, сваренных им на прошлой неделе. Ему не нужны никакие инструкции, – с нажимом заявил Профессор. – Просто скажи ему, чтобы продолжал в том же духе, пока тебя не будет. Ты ведь доверяешь ему, не правда ли?

– Разумеется, – ответил Джонатан. – У него все получится хорошо.

– Тогда мы отправляемся завтра.

– Мне нужно время, чтобы закрыть дом, спрятать вещи.

Профессор вынул карманные часы, взглянул на них, подошел к дому, захлопнул одну из ставен, задвинул защелку и опять посмотрел на часы.

– Семь секунд, – сообщил он. – Умножаем на восемь, прибавляем десять секунд на дверь, и эта комната наглухо закрыта. Даже слепому понадобится не больше пяти минут, чтобы закрыть весь дом.

Джонатан увидел, что все его аргументы рушатся перед лицом логики.

– А как насчет провианта, Профессор?

– Он погружен. Как ты думаешь, что я делал все утро, болтал с Бизлом о белых костюмах?

– Куда погружен? – спросил Джонатан, убежденный наконец в том, что судьба вновь приподняла свою странную голову.

– Ну как, на твой плот, разумеется. Я позволил себе взломать замок на твоём сарае. Мы готовы отчалить. По правде говоря, мы могли бы отплыть нынешней ночью. Сейчас полнолуние. Мы могли бы плыть при лунном свете и ловить на блесну речных кальмаров.

– Завтра, – сказал Джонатан, – это и так совсем уже скоро.

Из леса послышался отдающийся эхом звук приближающейся тубы, и вдаль, на тропинке за ягодными кустами, показались Тэлбот и Ахав, которые выходили из чащи, не преследуемые ни медведями, ни гоблинами. Профессор подскочил и открыл затянутую сеткой дверь.

– Я только скажу парнишке о наших планах, Джонатан. Все даты и прочие сведения у меня записаны. Не беспокойся.

Джонатан сидел над вторым стаканом чаю со льдом и смотрел в окно. Наполовину прочитанный том Дж. Смитерса лежал на столе рядом с его стулом. Всего лишь час назад Джонатан был уверен, что не сможет прочитать больше ни слова. Теперь ему казалось, что во всем мире нет более желанного занятия. И ему внезапно пришло в голову, что, когда клубника окончательно созреет, сам он будет плыть по Ориэли или брести вдоль по речной дороге. Тэлботу и мэру Бэстейблу достанется весь урожай.

Но, с другой стороны, если говорить по совести, он всегда мог взять томик Дж. Смитерса с собой, поскольку на реке его ждали часы безделья, прекрасно подходящие для чтения. Правдой было и то, что, если ему захотелось клубники, искать ее следовало как раз у Сквайра. Потому что, учитывая его объёмы, Сквайр Меркл, вероятно, ел ее килограммовыми корзинами. Более того, когда он, Джонатан, вернется домой, то будет чувствовать себя примерно так же, как в прошлый раз, – вдвойне счастливым оттого, что видит свой маленький домик, подвешенные к потолку головки сыра и все остальное, что, как заметил Профессор, приносит человеку удовлетворение. Ничто не приносит человеку большего удовлетворения, чем возвращение из путешествия, – и, разумеется, вы не можете вернуться, пока не уехали. Так что Джонатан наконец решился – он опять уезжает. С этим он прошел к себе в спальню, чтобы упаковать дорожную сумку.

Глава 2. Жабы на лугу

На следующее утро на причале не было никаких фанфар, в отличие от предыдущих проводов несколько месяцев назад. Теперь Джонатан отправлялся не на поиски геройских приключений, а всего лишь в отпуск – путешествовать для собственного удовольствия. На самом деле большинство обитателей городка Твомбли, вероятно, считали эту затею довольно глупой. Редко кто из них уезжал дальше Города Пяти Монолитов, где в конце каждого лета проходила ярмарка, и если бы эта ярмарка не привлекала их, никто не поехал бы даже туда.

У Джонатана, однако, как выразился Профессор, дорога была уже отчасти в крови. Ему казалось, хотя он мог ошибаться, что путешествия придают человеку романтический вид – дают ему то, что Теофил Эскаргот назвал бы *bonafides*. Джонатан представлял себе, что сидит босиком, в старой треуголке, на краю пристани на Пиратских островах, потягивает ром и ведет светский остроумный разговор с одноглазым человеком с попугаем на плече. Он воображал, что стремительно идет вдоль городка Твомбли и что его глаза окружены теми самыми морщинками, которые возникают от долгого пребывания на солнце, а карманы набиты странными золотыми монетами, награбленными у королей Океании.

Часть его существа, однако, подозревала, что если человек собирается стать благородным искателем приключений или светским львом, то ему лучше таковым родиться – что это нечто вроде природного таланта. Если же он будет *играть* такую роль, то у него, вероятно, проявится загадочное и злосчастное сходство с гиббоном. По правде говоря, приключения, в которых Джонатан принимал участие прошлой осенью, не вызвали у него ощущения, что он в чем-то изменился; он по-прежнему просыпался по утрам добрым старым Джонатаном Бингом, Сыроваром. Но, впрочем, по зрелом размышлении, он не был так уж недоволен подобной судьбой.

Однако в это спокойное утро, копошась на причале, в то время как на востоке из-за холмов потихоньку вылезало солнце, он слегка завидовал Профессору. Тому не было дела до приключений или до того, чтобы стать кем бы то ни было. Ему вполне хватало походов за особыми разновидностями речных устриц или подсчета цветов в радужных ледяных потоках Лунных гор. Профессору хватало науки. И по сути, более чем хватало. Он никогда не переставал находить все новые чудеса, которые необходимо исследовать.

Занимавшийся день уже был теплым. С гор в долину дул легкий ветерок, вызывая у Джонатана такие ощущения, какие, по его представлениям, должен был вызывать ветер, подгоняющий торговые корабли. Этот ветер нес с собой запах летних цветов и затхлый, травянистый запах реки. Ветерок был как раз подходящим для того, чтобы сдуть волосы с глаз Джонатана и шелестеть листьями в кронах дубов. По пути вниз по реке этот ветерок будет дуть им в спину – безусловное преимущество, если беспокоиться о времени. Но впрочем, о времени Джонатан беспокоился меньше всего, поэтому решил не поднимать парус. Они с Ахавом пробирались по тропинке, ведущей через луг за Вдовьей мельницей. Идти было тяжело, потому что благодаря какому-то чуду природы ночью вылупился из икринок чуть ли не миллион маленьких жаб и все они двигались через луг, чтобы ознакомиться с рельефом местности. Джонатану и Ахаву приходилось все время быть начеку, чтобы не наступить на какую-нибудь из них. Джонатан на минуту остановился и, подхватив горсть жаб, посадил их Ахаву на спину, чтобы подбросить этих малявок до реки. А еще ему хотелось увидеть, какое лицо будет у Профессора, когда тот увидит собаку, нагруженную жабами: в профессорском мозгу грянет буря предположений и рассуждений.

Река текла вдаль, выгибалась излучиной; ее гладкая, как стекло, поверхность лишь изредка искажалась небольшим водоворотом или воронкой в том месте, где плеснула рыба. Прибрежная трава была усыпана бусинками росы, сверкающими в лучах только что поднявшегося солнца. Это был один из тех дней, которые придавали Джонатану решимости впредь вста-

вать вместе с солнцем просто ради того, чтобы насладиться утром. Подобные идеи, разумеется, испарялись так же быстро, как роса на траве, а поздним вечером намерение спать до полудня привлекало его ничуть не меньше, чем здесь, на лугу, намерение подняться рано утром.

Он продолжал брести за Ахавом и наконец вышел на пристань. Развлечения ради Джонатан решил проверить перемет, который Тэлбот ставил на форель, привязывая его к одной из широких балок, поддерживающих причал. Тэлбот имел обыкновение проверять крючки каждое утро часов в семь, прежде чем приступить к изготовлению сыра. Они неизменно были пустыми. Сначала Тэлбот использовал в качестве наживки куски старого сыра – что было, в общем-то, неплохой мыслью, – но сыр так быстро рассыпался на крошки, что крючки оставались без наживки в течение двадцати трех часов в сутки. В конце концов Тэлбот решил, что куски желтой резины послужат не хуже сыра, и вскоре удостоверился, что на резину можно положиться – она будет исполнять свои обязанности и не уплывет прочь. Результат, однако, практически ничем не отличался от предыдущего. Профессор сказал, что, похоже – по крайней мере с научной точки зрения, – куски желтой резины действуют на рыбу примерно так же, как тубы действуют на медведей и гоблинов, и что Тэлботу не помешало бы немного лучше изучить ситуацию, прежде чем возлагать слишком большие надежды на резиновый сыр.

Сейчас же в воде копошилось около полудюжины форелей, собравшихся вокруг одного из плавающих на поверхности резиновых сыров и разглядывающих его так, словно он вызывал у них недоумение. На глазах у Джонатана одна из форелей отплыла в тень, а потом вернулась с двумя своими товарками, которые, как и все остальные, принялись плавать вокруг фальшивого сыра, не сводя с него глаз. Профессор подошел к Джонатану посмотреть, что его так заинтересовало.

– Эти форели, похоже, изучают резиновый сыр Тэлбота, – заметил Джонатан. – Интересно, на какие мысли он их наводит – на научные или философские?

– Почти несомненно на философские, – ответил Профессор. – Они делают выводы о природе такого зверя, который подвешивает под причалом куски резины.

– Тогда они могут заключить только то, – сказал Джонатан, – что мы – раса придурков. Они подсчитают нашу значимость с точки зрения висящего здесь резинового сыра. Возможно, нам следует опустить на веревке книгу либо подвесить какой-нибудь символ технического прогресса вроде компаса, стеклянного шарика или куска мыла.

– Это только ухудшит положение. Они начнут гадать, почему мы произвели подобные чудеса, а потом сбросили их в воду.

Примерно в это время из зеленых глубин реки поднялась стая длинных извивающихся, словно резиновые, речных кальмаров. Форели бросились от них враспынную. У кальмаров были большие круглые выпученные глаза и дюжина волочившихся сзади щупальцев. На какое-то мгновение они застыли совсем рядом с поверхностью, огляделись, а затем опять исчезли в глубине, оставив резиновый сыр Тэлбота одиноко болтаться под напором течения.

– Там, внизу, должно быть, происходит уйма всего такого, о чем мы ничего не знаем, – заметил Джонатан. – Вот было бы странно жить при таком зеленом неустойчивом свете. На мой взгляд, тут слишком много теней.

– Я не уверен, что соглашусь с тобой. – Профессор вернулся на корму плота. – Я сейчас работаю над чертежами устройства, очень похожего на аппарат Эскаргота. Своего рода подводная лодка. Представляешь, что бы ты увидел, находясь в ней.

Они позанимались всякой ерундой еще с полчаса, потом отвязали плот и выплыли на середину реки. Мимо в каное проплыли двое рыбаков в шляпах с обвисшими полями. Они курили трубки и тащили за собой рыболовные лесы. Выступающий вдаль берег вскоре скрыл их из виду. Джонатан наблюдал за тем, как городок Твомбли становится все меньше и меньше, и наконец, перед тем как и они тоже обогнули этот выступ, увидел юного Тэлбота – с тубой и со всем прочим, – который спускался по тропинке к пристани, чтобы проверить свои крючки. Тэл-

бот помахал им издалека рукой, и когда плот уже поворачивал, выходя за пределы участка, просматривавшегося из деревни, до них донеслась одна печальная, отдающаяся эхом нота, вырвавшаяся из горла его тубы, – грустный и далекий прощальный звук.

Джонатан немедленно почувствовал, что в теплой тишине этого утра его наполняет не бодрость и изобилие ожиданий, как он надеялся, а тоска по дому. Профессор нарушил тишину, стукнув слегка кофейником о банки с маслом и вареньем. Когда же он разрезал на куски буханку свежего хлеба, запах хлеба и кофе показался Джонатану запахом самой жизни. И поскольку он никогда не отступал перед лицом чего-либо столь значительного, как жизнь, он набросился на огромный ломоть хлеба, намазанный яблочным маслом. Затем он опрокинул чашечку кофе, и сочетание кофе и хлеба эффективно развеяло то мрачное настроение, в которое Джонатан, казалось, погрузился. Если уж на то пошло, он решил забросить свою собственную лесу и поймать парочку тех форелей, что насмехались над резиновым сыром Тэлбота. К концу завтрака городок Твомбли вполне мог остаться в тысяче миль от них, и Джонатану казалось, что будущее обещает ему нечто неопределенно-великое.

Вдоль берегов реки все было покрыто зеленью и находилось в постоянном движении. Бобры и водяные крысы шныряли в зарослях ив и плескались на мелководье возле белых и серых цапель, которые вышагивали на своих тоненьких ножках, высматривая рыбу. Несколькими милями ниже города Джонатан с Профессором увидели первую из огромных дубовых рощ, которые в конце концов сливались вместе, образуя густые леса. Джонатану дубы казались одновременно прекрасными и зловещими, хранящими вековые мифические секреты. Когда он был маленьким, ему говорили, что вечером в День святых в стволах дубов течет не сок, а кровь и что раз в сто лет в эту ночь невероятно старые деревья в глубине лесов исполняют древние танцы и водят хороводы перед собранием гоблинов. Джонатана, по правде говоря, ничуть не удивляло, что и эльфы и гоблины живут в чащах дубовых лесов.

Те же самые деревья, которые прошлой осенью походили на скелеты и таили в себе угрозу, теперь были покрыты зеленью, и их огромные ветви нависали над самой рекой, бросая тень на неподвижную воду у берегов. Джонатан лежал на спине, поставив босые ноги на палубу, и смотрел на перемежавшиеся голубое небо и спутанную зелень листьев у себя над головой. Он был относительно счастлив, бездельничая вот так и покуривая трубку, и надеялся, что форель проигнорирует его наживку еще какое-то время. Внезапно ему пришла в голову странная мысль: зря он не насадил на свой крючок резиновый сыр Тэлбота, чтобы гарантировать себе покой, и до него дошло, что, возможно, Тэлбот был не так глуп, как казалось. Возможно, этого парня сама идея рыбалки привлекала больше, чем ее обычно предпочитаемый всеми результат. Джонатану понравилась эта мысль – она вроде как отчасти ставила форель на место.

Как раз в тот момент, когда Джонатан подумал, что мог бы провести так весь день, Профессор уселся рядом с ним на палубу, держа в руках нечто похожее на старый план.

– Вот.

Джонатан приподнялся на локте и вгляделся в протянутую ему бумагу. Казалось, это был старый, пропыленный план этажей какого-то многоэтажного каменного здания, возможно замка. Джонатану он ни о чем не говорил.

– Ты что, собираешься заняться недвижимостью? – спросил он Профессора.

Тот подмигнул ему. Это было подмигивание, исполненное значения.

– Мы с тобой, Джонатан, уже побывали на данном объекте недвижимости. И если бы не Сквайр, мы бы скорее всего там и остались – как две кучки костей.

Джонатан пригляделся к чертежу чуть повнимательнее и узнал огромный холл на первом этаже с его высоким, опирающимся на балки потолком. Был там и невероятных размеров каменный камин, и большие окна, в которые он сам запустил деревянной скамьей. Чертеж

изображал планы различных этажей замка на Гряде Высокой Башни, покинутого сейчас его хозяином, гномом Шелзнаком. У Джонатана немедленно зародились подозрения.

Профессор попытался его успокоить:

– Я нашел этот чертеж – кто бы мог подумать – в городской библиотеке. А мне казалось, что я знаю там каждую карту и рукопись. Я рылся среди Особых Коллекций, и как раз там он и был, просто валялся на стойке среди прочих бумаг, словно кто-то принес его вчера и оставил там для меня. На самом деле мне очень повезло.

– Так, значит, ты изучал архитектуру? – спросил Джонатан, щурясь поверх своей трубки на Профессора.

– Немного. Однако в последнее время я изучал нижние уровни на этом чертеже. – Профессор замолчал на минуту, чтобы вытащить из тряпичного мешочка горсть очищенных от скорлупы миндальных орехов и бросить парочку себе в рот. – Посмотри на эти коридоры, которые идут отсюда, из погреба. Они должны уходить в землю. И посмотри на эту надпись. Она гласит: «Пещера Мальтиуса». А потом еще вот эта: «Пещера троллей». Разве это не кое-что?

Джонатан выколотил трубку в реку и признал, что это и вправду кое-что. Профессор указал еще на одну строчку выцветших букв, почти неразличимых под пятном размазанных чернил.

– «К д-в...». – Профессор разбирал букву за буквой. – Как ты думаешь, что это означает?

– Очевидно, это читалось как «к собаке», – предположил Джонатан. – Тролли жили в этой пещере, и собаки здесь же. Вероятно, было еще помещение для кошек, и другое – для свиней, и третье – для любопытных типов, таких как этот парень Мальтиус, который проявлял слишком большой интерес к тому, кто где живет.

Профессор улыбнулся и покачал головой:

– Это не собаки, Джонатан. В слове было явно больше букв.

– Тогда к собакам, – парировал Джонатан. – Еще более веская причина не совать туда нос, как я это понимаю. В декабре прошлого года, после того как мы провели в этом замке такой приятный вечер, ты сказал, что намереваешься вернуться и кое-что там исследовать. У меня такое чувство, что именно туда мы сейчас и направляемся – навстречу неприятностям. В замок, битком набитый троллями, собаками и хобгоблинами.

– Как люди науки, мы обязаны исследовать эту Башню.

– Всего за два дня, – заметил Джонатан, – я побывал и человеком, ведущим праздную жизнь, и человеком науки.

– Эта надпись, – продолжил Профессор, – не имеет никакого отношения к собакам. Я в этом уверен. Я думаю, речь идет о какой-то двери.

– Двери, ведущей куда? К центру Земли?

Эта мысль вызвала у Профессора оживление.

– Вполне возможно, Джонатан. Ты знаешь, существуют теории о том, что Земля полая.

– Однако маловероятно, чтобы можно было попасть в нее через дверь, не так ли? – спросил Джонатан.

– Маловероятным кажется и то, что на Чудесных островах летают жабы или что эльфы забрасывают сети в облака, чтобы ловить там дождевых рыб.

Джонатан признал, что все это тоже кажется маловероятным, как и сказал Профессор.

– Но что ты думаешь найти в этой Башне, Профессор, кроме всякой чертовщины? Буфо и Гамп разнесли лаборатории гнома на куски, и Эскаргот предупредил их, чтобы они держались подальше от верхнего этажа. Я думаю, нам следует прислушаться к его предупреждению. Он знает больше о Замке Высокой Башни, чем кто-либо из нас.

– Это правда, – признал Профессор, от нечего делать швыряя миндальный орех в сторону берега, от которого их отделяло пятьдесят с лишним ярдов. В тот момент, когда орех

плюхнулся в реку, какая-то большая рыба, которая двигалась слишком быстро, чтобы ее можно было опознать, выскочила из воды и схватила его на лету.

– Й-йэх! – закричал Джонатан. – Я должен сообщить об этом Тэлботу. Ему нужен соленый миндаль, а не куски резины.

– Как я уже говорил, – продолжил Профессор, – у Эскаргота скорее всего были какие-то причины. Он чудесный парень – не пойми меня превратно, – но его мотивы в большинстве случаев кажутся мне подозрительными. Может быть, на верхнем этаже есть что-то такое, что он просто не хочет, чтобы мы видели.

– Что, например? – спросил Джонатан.

– Кто знает? Какое-нибудь магическое устройство. Может быть, сокровище.

– Тогда Эскаргот не стал бы предупреждать нас и советовать держаться подальше от чего-то, что там есть, а сам бы не уехал на побережье. Он забрал бы это с собой.

Профессор пожал плечами. В это время проснулся Ахав – пятно тени рядом с кабиной, в которой он лежал, передвинулось вместе с солнцем. Профессор бросил ему ядрышко миндального ореха, и он с крайне довольным видом сжевал его, перекатывая между зубами, словно для того, чтобы ухватить его наилучшим образом. Казалось, он был так доволен этим орехом, что Профессор дал ему еще один. Джонатан с Профессором с трудом могли спокойно сидеть и есть орехи у пса на глазах, поэтому они прикончили маленький мешочек втроем.

– Ну так что ты скажешь? – спросил Профессор, складывая покрытый трещинками пергамент, который он держал в руке.

– Ты здесь капитан, – ответил Джонатан. – И если ты решишь, что мы идем в Гавань Высокой Башни, то, полагаю, так мы и сделаем. Но ты правда думаешь, что там есть сокровище?

Профессор пожал плечами:

– В таком замке – почему бы и нет. Впрочем, сокровище может оказаться где угодно. Иногда его действительно удается найти.

Джонатан кивнул, соглашаясь. Это казалось логичным, по крайней мере в философском смысле.

Глава 3. Лачуга на болоте

В течение двух дней они не видели ни души – мимо них не проплывали связанные из бревен плоты или торговые баржи, и они так и не догнали тех двух рыболовов в обвислых шляпах, которые обогнали их на каное в первое утро путешествия. Один раз, ближе к концу первого вечера, когда солнце уже исчезало за краем леса на западе, они увидели в тени сплетенных ветвей дуба что-то, что могло быть либо медведем, либо троллем. Это существо пыталось схватить в реке рыбу. Джонатан пожалел, что у него нет с собой тубы Тэлбота – просто чтобы проверить, действительно ли этот инструмент окажет на зверя такое воздействие, какое ему приписывали. Он припомнил свою собственную стычку с двумя троллями, происшедшую несколько месяцев назад почти в том же самом месте, и изумление всех, кто в ней участвовал – и троллей, и людей, – при виде странного и неправдоподобного поведения гобоевого оружия Профессора Вурцла. «Вот были деньки», – подумал Джонатан, испытывая такое чувство, словно это замечательное приключение произошло много лет назад, возможно во времена его необузданной юности.

На реке, однако, все было таким невыразимо мирным, что на этот раз с ними не случилось ничего подобного. Путешественники могли читать без остановки и выкуривать сколько угодно трубок табаку. На второе утро им удалось поймать форель, и они ели рыбу на завтрак, а потом еще и на ужин. На следующее утро Джонатану пришла в голову блестящая мысль подмешать горсть растертого мяса форели в яичницу-болтунью. Но после того как они управились с этим блюдом, Профессор заметил, что он, со своей стороны, надеется больше никогда в жизни не видеть форель. Джонатан чувствовал примерно то же самое.

Они уже приближались к деревне у Высокой Башни, когда берега реки Ориэль начали расходиться в стороны. Широкие зеленые полосы лугов, сплошь заросшие водосбором, люпином и диким ирисом, словно отталкивали леса вдаль. На востоке поднимались Белые Горы, окутанные облаками и тайной, они то появлялись по другую сторону травянистых низин, то исчезали за высоченными зарослями болиголова или за покрытым мхом ольшаником.

В стоячей воде у берегов цвели кувшинки, и среди лежащих на поверхности листьев и спутанных корней плавали несколько озерных черепах и жаб. Время от времени они забирались на огромный, как блюдо, лист, а затем вновь с плеском соскальзывали в тихие воды. Луга наконец уступили место болотам и топям, на которых там и сям виднелись искривленные силуэты давно засохших деревьев и кое-где – куст ольшаника или хлопковое дерево, умудрившиеся найти достаточно высокий холмик, чтобы уберечь корни от окружающей воды.

Этот участок берега был темным, мрачным и унылым даже в прекрасный весенний день. И дикие цветы, пробивавшиеся то тут, то там среди трясин, казались Джонатану какими-то грустными – печальные пятнышки цвета, разбросанные по безжалостным просторам болот.

Профессор окинул долгим взглядом этот пейзаж – и увидел его в другом свете. На болотах было не счесть змей, жуков и разных биологических чудес, а летней ночью в низинах сверкали крошечными огоньками миллионы светлячков, банка с которыми могла не хуже любого фонаря осветить дорогу путнику. Однако разглагольствования Профессора о жуках и червяках не очень-то изменили настроение Джонатана. Не особенно улучшили его и неровные тени Гряды Высокой Башни, поскольку там, выступая над ее скалистым хребтом, поднимались гранитные стены одноименного замка. Невозможно было понять, где начинается обработанный серый гранит башенных стен. Казалось, что башня вырастает из самих скал и что она никогда не была ничем иным, как частично сохранившимися руинами. Она выглядела такой же вечной, как и тусклые камни на окружающей ее распаханной земле. Для Профессора башня была загадкой, для Джонатана – скорее проклятием. Единственным утешением служило ему то, что ее самый последний обитатель – злой колдун гном Шелзнак – был изгнан оттуда и скрывался

теперь где-то в верховьях реки. Пустая башня казалась менее зловещей, чем башня, в которой обитал коварный гном, – но ненамного.

Гавань Высокой Башни, куда они вошли довольно рано утром, до сих пор была тихой и пустынной. Лишь некоторые жители вернулись сюда после исчезновения Шелзнака. Однако, к облегчению Джонатана, окна сарая для лодок больше не были заколочены, а у берега с дюжины детей ловили раков. По крайней мере деревня не была полностью покинута своими обитателями, как прошлой зимой.

Джонатан с Профессором решили не тратить время на то, чтобы бродить по городу, а сразу перейти по тропинке на другую сторону болота и исследовать замок. Они договорились вернуться на плот к закату, чтобы не ночевать в башне и не тревожить живущих там духов или демонов.

Они уложили свой обед в рюкзак и отправились в путь, прихватив с собой веревку, фонарь, факел и дюжину свечей. А еще у каждого была дубовая трость – не столько для того, чтобы опираться на нее по дороге, сколько для того, чтобы отпугивать гоблинов или отбиться от случайного тролля. Тропа вилась, то появляясь, то исчезая среди покрытых мхом деревьев, и, по-видимому, вела в обход. Три раза Джонатан с Профессором натыкались на развилки и всякий раз решали свернуть на ту из тропинок, которая вела в сторону замка. Два раза это вроде бы сработало.

Однако через несколько минут после того, как они свернули в третий раз, перед ними оказалась старая, стоящая на сваях лачуга с дощатыми стенами. Когда-то щели в этих стенах были замазаны илом, смешанным с травой, но он давным-давно вывалился, рассыпавшись на куски, и теперь мало что защищало лачугу от проникновения северного ветра. К передней стене лепилось скособоченное, полуразрушенное крыльцо, огражденное жердями, и на нем сидела сморщенная старуха, которая казалась такой невероятно древней, что ее можно было скорее принять за мешок с пылью и сухими костями, чем за существо из плоти и крови. Лицо старушки было исчерчено столь глубокими морщинами, что, по мнению Джонатана, им не меньше, чем стенам лачуги, пригодилась бы штукатурка из ила. Она сидела в продавленном кресле, уставясь вдаль незрячими, судя по всему, глазами. Джонатану страшно не понравились как ее вид, так и связка чего-то похожего на сушеных летучих мышей, висевшая над дверью. Старуха была одета в черное, и вокруг ее ворота и рукавов висели обрывки выцветших кружев. Под креслом сидела кошка, лениво трогая лапой болтавшийся кружевной лоскут.

Какое-то мгновение Джонатан и Профессор стояли молча, готовые на цыпочках вернуться к той развилке, откуда пошли не в ту сторону. Ахав наблюдал за кошкой, черной, как безлунная ночь, но даже не заворчал в знак приветствия. Похоже, все это нравилось ему не больше, чем хозяину. Кошка вылезла из-под кресла, вспрыгнула на покосившиеся перила крыльца и принялась мирно разглядывать всю троицу. Старуха зашевелилась и коснулась пальцами кружев у себя на рукаве. Ее губы медленно расплылись в улыбке, но глаза остались неподвижными. Джонатан с ужасом заметил, что они полностью лишены цвета, что их затягивает однотонная, мертвенная молочно-серая пелена, похожая на брюхо выловленной ими вчера рыбы. Казалось, за долгие годы эти глаза утратили и свои краски, и способность видеть, а сама старуха поблекла, как сидящая на камне ящерица, и стала частью окружающего ее бесцветного мрака болот.

Она медленно, пугающе поднялась с кресла, опираясь на покрытый затейливой резьбой посох, потемневший от времени и постоянной службы. Какое-то мгновение Джонатан был уверен, что она вот-вот покачнется и очень медленно упадет ничком на крыльцо. Однако этого не случилось, она просто продолжала неподвижно смотреть перед собой.

Профессор снял шляпу, хотя старуха и не могла этого оценить, и вежливо представил ей себя и своего друга. Джонатан предпочел бы поскорее вернуться к развилке, но он не собирался уходить один, а эта ситуация явно была из тех, которые приводили Профессора в восхи-

щение. Старуха никак не ответила на любезности Профессора. Она просто еще какое-то время продолжала улыбаться, а потом вытащила из обтрепанной кружевной муфты высохшую руку, ткнула трясущимся пальцем куда-то между Джонатаном и Профессором и зловеще изрекла:

– Значит, вы пришли.

– Это какая-то ошибка. – Джонатан взглянул на Профессора, затем опять на старуху. – Вы нас приняли за кого-то другого. На самом деле мы просто гуляем на природе. Шли на водопад купаться.

Он многозначительным жестом показал Профессору на тропинку. Старуха засмеялась или по крайней мере попыталась это сделать. Но было как-то не похоже, чтобы этот смех шел от души и старуха одобряла чувство юмора Джонатана. Ее палец медленно согнулся, приглашая их подняться на крыльцо, и старуха, словно в нее внезапно вдохнули жизнь, резко повернула голову влево и в упор взглянула на Джонатана, затем засмеялась, захлебываясь неожиданно дребезжащим смехом.

Джонатан бросился прочь, следом за ним понесся Ахав. Сзади слышался топот Профессора. Но вдруг Джонатан, содрогнувшись от ужаса, услышал, как кошачьи вопли и кудахтанье старухи очень явственно смешиваются с чем-то очень похожим на шуршание и похрустывание старых юбок и кружева, словно сама ведьма гонится за ними по пятам.

Они добежали до самой развилки, и Джонатан махнул бы рукой на тропу, ведущую к башне, и продолжал бы бежать до самой гавани, если бы Профессор не остановился перевести дыхание и не крикнул ему, чтобы он последовал его примеру.

Где-то с минуту они пытели и отдувались, согнувшись почти вдвое и упершись руками в колени. Джонатан прислушивался, не раздастся ли сзади шуршание юбок или кудахтающий смешок, но не услышал ничего, кроме биения собственного сердца и своего же учащенного дыхания. Он решил, что старуха это на самом деле или нет, но, если она появится на тропе, он задаст ей жару своей тростью и выгонит из нее дьявола, – и это вдвойне относилось к ее кошке.

– Еще немного – и мне бы крышка, – сказал он через несколько мгновений.

Профессор выдавил из себя слабый смешок:

– Да уж точно, нагнала она на тебя страху.

– На меня? – насмешливо переспросил Джонатан. – Держу пари, ты так не бегал уже лет сорок.

– Это ты меня напугал, сорвался с места как не знаю кто.

– Это не я кого-то пугал. Я не из тех людей, что пугают других. Просто ты не хуже меня знаешь, кто она такая. Она – одна из тех ведьм, которых Дули видел в ту ночь, прошлой осенью, летящими по небу в лунном свете, – возможно, там были и она, и ее кошка. Если это действительно кошка. – Джонатан посмотрел, как Профессор трясущимися пальцами, точно в лихорадке, ткнул зажженной спичкой куда-то в сторону чашечки своей трубки, и спросил: – Ты что пытаешься зажечь – трубку или кончик собственного носа?

И тут у них обоих начался приступ дикого хохота. Прошло какое-то время, прежде чем они, насмеявшись вволю и успокоившись, вновь отправились в путь. И тот и другой временами оглядывались через плечо и несколько раз повторили друг другу, что на обратном пути, когда пойдут к этой развилке, они уже не сделают подобной глупости.

Еще через час они поднялись по извилистой тропе на крутой склон скалистого хребта и оказались возле башни. Они шли быстрым шагом, стараясь держаться в тени гигантских болиголовов, растущих вдоль дороги, и избегая освещенных солнцем участков. То, что день был жарким, не имело почти никакого отношения к тому, что они предпочитали укрываться в тени, хотя оба настаивали, что это так. Просто башню, казалось, окутывала пелена висящего в воздухе зла – атмосфера, поднявшаяся за бесчисленные годы из самой земли.

В общем и целом, у этой мрачной башни был негостеприимный вид, который при свете дня понравился Джонатану не больше, чем несколько месяцев назад в полночь. Он пожалел,

что не взял с собой куртку, – хотя и знал, что такой солнечный день ему вряд ли еще когда придется увидеть.

– Мне кажется, мы позволяем этой местности взять над нами верх, – заметил Профессор. – Мы ожидаем чего-то ужасного, чего у нас нет повода ожидать. В конце концов, это же не дом с привидениями.

– Неужели? – отозвался Джонатан. – По меркам домов с привидениями эта башня должна стоять довольно высоко. Тут вся округа – как один большой дом с привидениями. Такое ощущение, что в этих лесах полным-полно гоблинов.

– Чушь. Это всего лишь твое воображение.

– Просто у меня нет твоего оптимизма, – возразил Джонатан.

В этот момент они пересекли заросшее травой пространство между лесом и дверью башни. Сопровождаемые по пятам Ахавом, путешественники торопливо двигались вперед, пригибаясь к земле и подгоняя друг друга, как будто чувствовали, что за ними что-то наблюдает – что-то в самом воздухе, окружающем башню.

Дверь тяжело повернулась на петлях, открывая их взору выложенный булыжником пол огромного зала и каменный камин, занимающий большую часть боковой стены. В очаге лежала кучка холодной золы, а рядом с ним – горка побелевших костей, которые ужасный Шелзнак использовал в качестве топлива. На полу валялись странные остатки их прошлогодней схватки: чучело змеи, которое Сквайр Меркл сунул в ухо гному, и обгрызенная индюшачья кость, что так легко справилась со скелетом. Еще там были пустая кружка, несколько человеческих ребер и нижняя челюсть. Ничего здесь не изменилось. Судя по всему, в башню с тех пор никто не приходил: гном не вернулся. В высоком окне напротив двери зияла дыра. Несмотря на ветерок, задувающий через разбитое стекло, подоконник был покрыт толстым слоем пыли, испещренным крошечными отпечатками крысиных лапок. Под окном лежала дюжина человеческих костей – ноги и таз скелета, который почти выбрался на свободу. Во дворе, среди грязи и сорняков, покоилось все остальное: пожелтевший череп неотрывно смотрел вверх, на стоящее высоко в небе солнце.

Вся эта история со скелетом отнюдь не делала интерьер башни более уютным, но он напомнил Джонатану, что он и его друзья уже однажды справились, и довольно успешно, с подобным сборищем ужасов. Он перехватил трость поудобнее и сказал себе, что сделанное один раз всегда можно повторить. Но потом Джонатан припомнил свое паническое бегство от сидящей на крыльце старухи и мудро решил, что тщеславие слишком часто делает из людей дураков.

Ничто не предвещало присутствия в башне чего-либо еще, кроме разлитого в воздухе зла, которое не мог развеять даже ветер, дующий в открытое окно.

– С чего начнем? – спросил Джонатан, глядя на свои карманные часы. – Здесь пять этажей наверху и пещеры, подвалы и комнаты для собак внизу. Где спрятано сокровище?

– Я бы сказал – внизу, несмотря на предупреждение Эскаргота насчет верхнего этажа. – Профессор разворачивал на полу свой пергамент. – Согласно авторитетным источникам, это стандартная практика – закапывать такие вещи, а не тащить их наверх.

Джонатану такое объяснение показалось логичным.

– Полдень уже миновал, – сообщил он, пряча часы в карман. – Если мы хотим пересечь топи прежде, чем сядет солнце, нам следует выйти отсюда часам к четырем. Я предпочитаю ужинать на плоту, а не в какой-нибудь приятной хижине на болоте.

– Согласен. Следи за временем. – И с этими словами он направился к винтовой лестнице, которая вела и к верхним, и к нижним этажам замка.

Путь в подвал был перекрыт открывающейся крышкой, сделанной из тяжелых дубовых досок. К ней была привязана цепь, уходящая под углом вверх, к чему-то вроде блока с воротом и рычагом. Цепь и ворот были такими ржавыми, словно год лежали под дождем, и производили

впечатление, что ими давно никто не пользовался. Джонатан навалился всем телом на деревянную рукоятку рычага, но тот даже не шелохнулся. Джонатан постучал по нему своей тростью – в воздух взлетели кусочки ржавчины, устилая каменные ступени красноватой железной пылью. Профессор и Джонатан налегли на рычаг вдвоем, но дело не сдвинулось с места. Тогда Джонатан ударил по нему тростью изо всей силы, однако и это не оказало на рычаг заметного действия.

Профессор на мгновение задумался.

– Мы могли бы полить его растопленным салом, – воскликнул он, щелкнув пальцами. – Смазать его. Если мы будем продолжать колотить по нему твоей тростью, то просто согнем его в бараний рог.

– Ты прав, – согласился Джонатан. – Когда мы были здесь в прошлый раз, Сквайр и Буфо нашли наверху кладовку для провизии. Тогда там была жареная индейка, так что Шелзнак, должно быть, знал толк в еде. Где-нибудь в его запасах наверняка найдется сало.

И так они оба, сопровождаемые Ахавом, поднялись по лестнице, чтобы исследовать кладовку. Сала они не нашли, зато отыскивали бутылку с китовым жиром, который вполне мог подойти и который к тому же не надо было подогревать. Еще они обнаружили в темном прохладном подполе несколько стеллажей с бутылками эля, заложенными туда Шелзнаком на хранение задолго до его изгнания. Джонатан сунул четыре бутылки в свой рюкзак вместе с масляной лампой, бутылкой с жиром и горстью деревянных спичек. Затем им на глаза попался буфет, заполненный чем-то, что некогда было буханками хлеба, но теперь превратилось в маленькие зеленовато-коричневые окаменевшие комочки, настолько высохшие и уменьшившиеся в размерах, что ими не интересовались даже мыши. Были там и банки с маринованными грибами, яйцами и перцем, но некоторые из них треснули, залив рассолом и засыпав осколками и гниющими деликатесами все остальные. Ни у Джонатана, ни у Профессора не было ни малейшего желания попробовать содержимое тех банок, что остались целыми.

– Шелзнак, похоже, неплохо тут устроился, – заметил Джонатан, взваливая свой рюкзак на плечо. – Он был настоящим гурманом – питался маринованными яйцами и грибами, жарил индеек. Очень жаль, что он оказался таким злодеем. Никогда не подумал бы, что кто-то, кто так ценит хорошую еду, будет терроризировать людей. Я как-то не могу представить себе Шелзнака жующим вообще что бы то ни было. Ну, может, пару тарелок грязи или паутину он бы и съел, но не жареную индейку. Не представляю, чтобы он пил, например, эль из бутылки.

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Он был не из тех, кто любит что-нибудь, включая еду. Ему, должно быть, пришлось довольно упорно бороться с собой, чтобы не насладиться хоть чем-нибудь.

– Вот именно.

Они опять оказались у подножия лестницы, и Джонатан облегченно вздохнул:

– Если бы он этого не делал, какая-то часть удовольствия от поедания всей этой вкусной еды могла бы пробиться наружу и погубить его.

Джонатан отвинтил крышку у бутылки с китовым жиром и налил немного на движущиеся части ворота и блока. Потом подергал рычаг и добавил еще несколько капель. Наклонился над крышкой люка и направил струйку жира вдоль цепи и на железное кольцо, сквозь которое она проходила; при этом он старался не запачкать саму рукоятку рычага, чтобы за нее можно было как следует ухватиться. Вылив столько жира, сколько подсказывал ему здравый смысл, он закрыл бутылку и положил ее обратно в рюкзак рядом с лампой.

Профессор постучал по рычагу, чтобы немного расшатать его, и сдвинул его вперед на четверть дюйма. Потом постучал с другой стороны и сдвинул его назад. После нескольких минут постукиваний и покачиваний Джонатан дернул за рычаг изо всех сил, и ржавая цепь с грохотом прошла через кольцо. Тяжелая крышка, скрипя, поднялась вверх, ее петли скрежетали, словно протестуя против того, что их разбудили. Внизу была непроглядная тьма.

Лестница, спускаясь, изгибалась влево и исчезала из виду. Со дна лестничного колодца им навстречу ринулся поток холодного, затхлого воздуха, нетерпеливо вырываясь из темноты к солнечному свету и свободе. Джонатан склонил голову набок и прислушался, не особенно, впрочем, задумываясь над тем, что он ожидает услышать. У него промелькнула неопределенная мысль, что если он услышит хоть что-нибудь, то сбросит собачку на блоке, захлопнет крышку люка и бросится бежать. Но внизу не было ничего, кроме тишины, – даже суетливого шуршания крыс не было слышно.

– К чему ты прислушиваешься? – спросил Профессор. – Надеешься услышать стоны привидений?

– Вполне может быть, – ответил Джонатан. – И мне кажется, что как раз поэтому ты и говоришь шепотом.

Профессор, слегка удивленный тем, что он, оказывается, и в самом деле говорит шепотом, повысил голос.

– Эй! – крикнул он в темноту. – Это всего лишь я, сборщик налогов. Это напугает их так, что они дневного света не взвидят, – пояснил он Джонатану. – Хотя там, внизу, не так уж много дневного света, чтобы его можно было увидеть.

Джонатан опять покопался в своем рюкзаке и вытащил лампу, факел и свечи, которые они с Профессором прихватили с собой.

– Этот факел слишком коптит, – заметил он. – Давай лучше воспользуемся лампой, а факел и свечи оставим на потом.

– Отличная мысль.

Джонатан зажег лампу, и Профессор подкрутил фитиль, чтобы прибавить огня. Темноту подвала прорезал луч света, но проку от него было немного – он лишь сделал все остальное чуть более черным. Ахав сунулся мимо Джонатана и Профессора к лестнице, свесил голову вниз и зарычал. Джонатан относился к инстинктам Ахав с большим уважением и сейчас сам был бы не прочь зарычать в эту темноту – просто чтобы дать понять всем, кто мог в ней скрываться, что он носит с собой, как метко выражался его друг Дули, ударную трость. Держа перед собой ярко горящую лампу на расстоянии вытянутой руки, он в сопровождении двух друзей спустился по ступенькам, которые спиралью уходили в удивительно глубокий, как оказалось, погреб. Джонатан переступал со ступеньки на ступеньку очень осторожно, как будто они могли вот-вот развалиться на кусочки. На самом же деле они были очень прочными и казались вырубленными из самой скалы.

У основания лестницы находилось широкое, открытое помещение с туннелями, уходящими в землю в трех направлениях, – один из них наверняка вел к пещерам, интересовавшим Профессора. Джонатан спрыгнул с последней ступеньки на каменный пол, и тот откликнулся гулким эхом. За спиной у них раздался металлический щелчок, скрежет шестерни слетевшей собачки и слившийся с ним грохот цепи, бегущей через железное кольцо. Тяжелая откидная крышка захлопнулась с гулким «бум!», которое сопровождалось порывом воздуха, пронесшимся вниз по винтовой лестнице и с силой ударившим в поднятое вверх лицо Джонатана.

Глава 4. Пещера Мальтиуса

Джонатан отдал лампу Профессору и последовал за ним обратно вверх, туда, где в вырубленном в камне углублении лежал люк, полностью закрывающий лестничный проем. Джонатан, согнувшись, подлез под него, уперся спиной и попробовал сдвинуть с места, но безуспешно. Это было все равно что пытаться сдвинуть с места гору. И здесь не было ни рычагов, ни блоков – ничего в этом роде.

– Не зря такие люки делают в ловушках. – Джонатан опять спустился вниз. – Механизм сработал, когда я ступил с последней ступеньки на пол. Полагаю, таким людям, как мы с тобой, не суждено выбраться отсюда.

– И всем остальным тоже, – вставил Профессор.

– Все остальные, возможно, шагнули бы со ступеньки в сторону и не привели бы в действие ловушку.

Профессор почесал голову:

– И все же никто не стал бы рисковать, чтобы оказаться запертым в этом подвале. Здесь есть либо другой выход, либо устройство, позволяющее управлять рычагом снизу. Если здесь действительно есть подобное устройство, мы его найдем. В данном случае применимы только два физических закона – закон всемирного тяготения и теорема Пинвини о «тяни-толкай».

– Пинвини? – переспросил Джонатан.

– Разумеется. А что? Ты думаешь, что теорема Пинвини не подходит для нашей ситуации?

– Отнюдь нет, – улыбнулся Джонатан. – Я безоговорочно верю Пинвини. Совершенно безоговорочно.

– Что ж, прекрасно, – продолжал Профессор, – в свете научных знаний устройство этой двери станет для нас ясным.

– Это хорошо, – заметил Джонатан. – Потому что через несколько часов свет этой лампы с китовым жиром уже ничто не сделает ясно видимым.

– Тут ты прав. – Профессор махнул вышеупомянутой лампой в сторону подвала. – Теперь, когда ты об этом упомянул, я вижу, нам и в самом деле пора идти. Один из этих туннелей ведет к выходу, или я просто треска. Здесь слишком хороший воздух, чтобы предположить, что подвал герметично закрыт.

– Тогда пойдем, – поторопил его Джонатан.

Ахав трусой пересек подземелье и мудро выбрал туннель, который, казалось, вел слегка в гору и мог, как надеялся Джонатан, вывести их к дневному свету. После того как они прошли по нему где-то около двадцати ярдов, подъем прекратился, и на протяжении ста ярдов туннель оставался горизонтальным. Он был узким и высоким, его потолок терялся из виду где-то над головой. Вытянув руки в стороны, Джонатан легко мог коснуться обеих его стен. Через какое-то время он начал подозревать, что туннель слегка уходит вниз, но не совсем был в этом уверен. Лампа не давала достаточно света, чтобы как следует разглядеть, что находилось у них над головой или под ногами. Джонатан предложил сделать остановку и вытащил из небольшой сумки, висевшей у него на поясе, маленький шарик из слоновой кости с рунами эльфов, который он носил с собой на счастье. Он положил его на пол туннеля, и они увидели, как шарик качнулся вперед и со все увеличивающейся скоростью покатился по темному коридору. Ахав, пригнувшись, медленно двинулся за ним, Джонатан пошел следом, поднял шарик и сунул его обратно в сумку.

Потом они с Профессором на какое-то время задумались. Джонатан считал, что нужно вернуться обратно, но Профессор хотел идти дальше, объясняя это тем, что если туннель и спускается вниз, это еще не значит, что так будет продолжаться. В конце концов, сначала-то

он шел вверх. Джонатан был почти уверен, что Профессор выступает за продолжение пути не столько ради того, чтобы найти выход из подвала, сколько из научных побуждений, однако все же согласился с его предложением.

Вскоре у них не осталось никаких сомнений в том, что они спускаются вниз, к тому же довольно быстро. На некоторых участках путешественники практически скользили вниз, и, хотя это казалось Джонатану глупым, чем глубже они уходили, тем больше Профессору хотелось увидеть, что лежит на дне туннеля. Невозможно было сказать, на какой глубине они находятся. В слабом, сумеречном свете масляной лампы каждый последующий участок ничем не отличался от предыдущего. Лишь эхо шагов на каменном полу туннеля напоминало им о том, что время идет, – эхо и постепенно понижающийся уровень масла в лампе. В бутылке жидкости оставалось еще на две заправки. Так что в самом худшем случае они могли по крайней мере осветить себе обратный путь.

В конце концов они остановились отдохнуть на гряде камней, и Джонатан поднял лампу вверх, чтобы взглянуть на скалистый потолок у себя над головой. Бледные лучи света упали на потрескавшийся гранит, прорезанный прожилками кварца. То тут, то там вниз торчали грозди кристаллов размером с палец, и среди них попадались длинные иглы аметиста, горящие пурпуром в свете лампы.

– Помоги-ка мне, Профессор.

Джонатан собрал несколько валявшихся поблизости больших камней, сложил их в кучу, забрался на нее, чтобы дотянуться до потолка, и начал отковыривать аметистовые кристаллы перочинным ножом. На стали после этого остались зазубрины, но зато Джонатану удалось отколоть несколько великолепных кусков. Один из них, длиной с его ладонь, был испещрен в глубине разводами изумрудно-зеленого цвета. Джонатан приступил к следующему кристаллу – постукивание его ножа по камню отдавалось эхом по всему туннелю.

В колышущейся темноте теней, отбрасываемых на потолок торчащими кристаллами, из-за того самого аметиста, который Джонатан пытался отколоть, выглянула крошечная безволосая голова какого-то маленького зверька, размером примерно с крысу, и уставилась на него слепыми розовыми, лишенными век глазками. Другая голова высунулась из-за первой, и еще две слепо разглядывали его с более дальнего расстояния. Первая внезапно сорвалась из своей ниши на гранитном потолке, расправила полупрозрачные крылья летучей мыши и, прошелестев ими, унеслась в темноту; ее длинный заостренный хвост больно ударил Джонатана по лбу. Джонатан вскрикнул и опрокинулся назад, разметав камни в разные стороны и думая только о том, чтобы не разбить хрупкую лампу, которую он продолжал держать в левой руке. Правым плечом он ударился о стену туннеля, и из лампы выплеснулся китовый жир. Горящие капли подожгли расползающуюся по полу лужу. Туннель мгновенно наполнился светом и шорохом тысяч тонких, как паутина, крыльев – это маленькие слепые твари, похожие на летучих мышей, слетали с потолка и с визгом уносились в глубь коридора. Ахав с лаем носился взад-вперед, а Джонатан и Профессор распростерлись возле груды камней, отмахиваясь от безволосых хвостов. Через мгновение в туннеле вновь воцарилась тишина, и он погрузился во тьму – в лампе жиром залило фитиль, а лужа на полу, догорев до конца, погасла.

Покопавшись в своем рюкзаке, Джонатан отыскал там спички и свечу. При свете этой свечи заново наполнил маслом и зажег лампу. Потом задул свечу, спрятал ее обратно в рюкзак вместе со всеми кристаллами аметиста и кварца, которые ему удалось отколоть, и спросил:

– Что это были за существа, Профессор? Летучие мыши?

– Если и мыши, то я таких никогда раньше не видел. Я встречал раньше слепых пещерных летучих мышей, но ничего похожего на эту мерзость – ничего с хвостами. Эти же были похожи на помесь летучих мышей и опоссумов. Возможно, один из экспериментов Шелзнака.

Джонатан поморщился:

– Не нравятся мне его эксперименты. По правде говоря, у меня от них мурашки по коже бегают. Давай-ка выбираться отсюда. Этот туннель никуда не идет, кроме как вниз.

– А по-моему, – возразил Профессор, – мы находимся в туннеле, который ведет к двери. Я *должен* увидеть эту дверь.

– Или собак. Или розовых летучих мышей. Или еще какую-нибудь жуть. Что касается меня, то я собираюсь взглянуть на дверь трактира «Высокая Башня».

При упоминании о трактире он вспомнил, что в кармане его рюкзака лежат четыре бутылки эля, однако мокрое пятно на ткани, похоже, предвещало неприятности. И точно, при падении две бутылки разбились. Джонатан вытряхнул из рюкзака куски стекла и засунул их в щели и трещины в каменных стенах, а потом откупорил оставшиеся целыми бутылки и передал одну Профессору, который отнюдь не был этим недоволен.

Эль был резким на вкус и сухим – именно то, что требовалось при данных обстоятельствах. Джонатан как раз говорил, что Шелзнак мог бы составить себе состояние, займись он изготовлением эля, когда заметил, что Ахав куда-то исчез. Они с Профессором быстро зашагали в глубь туннеля, рассудив, что если Ахав вернулся в погреб, то они непременно найдут его на обратном пути.

Через сорок ярдов туннель круто повернул направо и закончился перед ямой, стены которой отвесно, как падающий камень, уходили в землю. У края ямы, приняхиваясь, сидел старина Ахав.

– Конечная остановка, – с некоторым облегчением в голосе объявил Джонатан.

– Вовсе нет, – возразил Профессор. – Посмотри сюда. – Он указал на нечто похожее на железные кольца, вбитые в каменные стены ямы. – И посмотри на это. – Он провел ладонями по длинным бороздам на камне. – Все это было вырублено. Возможно, яму расширяли.

– Да, похоже. – Джонатану было интересно, действительно ли Профессор собирается спуститься по древней как мир железной лестнице в темную яму, уходящую на милю под землю. – Какой идиот, как ты думаешь, притащил сюда, вниз, кирку, чтобы долбить скалы? Это напоминает мне тех восточных безумцев, которые вырезают целые города на моржовом бивне. На это уходит вся жизнь.

– Никто не тащил вниз кирку. – Профессор провел ладонями по бороздкам в скале. – Ее притащили *вверх*. Посмотри на эти отметины. Они были оставлены инструментом, который двигался снизу вверх. Что-то выбиралось из этой ямы наружу.

– Замечательно, – съязвил Джонатан. – Без сомнения, это были предки Шелзнака.

– Ну что ж, мы должны это выяснить. – С этими словами Профессор бросил в пустоту камень.

Камень ударился о дно всего через пару секунд, что привело Профессора в безмерное восхищение, но одновременно поставило Джонатана перед печальным фактом – он вот-вот последует за Профессором еще глубже в землю.

– Я спущусь на дно этой ямы, – уступил Джонатан, – если до него доходит лестница. Но это все. Если там, за ней, такой же туннель, как и здесь, я дальше не пойду. Мы же извели половину китового жира и оказались на добрых два часа пути дальше от выхода, чем были в подвале. Через десять минут неплохо бы повернуть обратно.

– Договорились, – крикнул Профессор, опуская одну ногу в яму.

Джонатан приказал Ахаву оставаться на месте и полез следом за Профессором. Он спулся медленно, повесив лампу себе на руку так, что ее ручка, сделанная из проволоки, опиралась на сгиб его локтя. До дна ямы было примерно двадцать футов. И от него отходил еще один туннель.

– Ну вот, – констатировал Джонатан. – Этот туннель может продолжаться еще сотню миль.

– Посвети-ка вперед, – попросил Профессор, не обращая внимания на его жалобы. – Думаю, мы пришли.

И действительно, в свете поднятого фонаря различались смутные контуры чего-то похожего на дверь – огромную железную сводчатую дверь, закрывающую собой туннель.

– Дверь! – воскликнул Профессор, шагнув к ней. – Я знал, что здесь есть дверь.

На этой двери, однако, не было ручки. И замочной скважины тоже. Была просто громадная железная плита. По ее периметру не наблюдалось никаких щелей, и ни с одной стороны не было видно петель. Профессор побарабанил по ней кулаком, однако звук раздался не более громкий, чем если бы он ударил по гладкому граниту стены туннеля.

– Да, это та самая дверь, – прошептал Профессор, словно опасаясь, что что-то притаилось за ней и слушает, что он говорит.

Джонатан внезапно осознал всю комичность этой ситуации: Профессор откровенно восхищался тем, что обнаружил железную плиту в конце туннеля. Джонатан постучал по двери концом своей трости.

– Привет, чудовища! – сказал он, приложив ухо к двери.

– Привет, чудовища! – ответило эхо, заставив их подскочить от неожиданности. Шутка Джонатана не казалась теперь уже столь остроумной.

– Я что-то слышу, – прошептал Профессор. – Прислушайся!

Они оба затаили дыхание и услышали где-то в темноте тихий плеск. Внезапно свет масляной лампы показался им очень слабым, а окружающее их освещенное пространство будто сжалось. Джонатан вскинул трость на плечо, словно бейсбольную биту, с ужасом ожидая, что дверь вот-вот со скрипом отворится. Плеск казался теперь более громким и доносился справа из темноты, где вполне мог находиться другой туннель, параллельный их собственному. Их лиц коснулся ветерок, дохнувший едва уловимым влажным зловонием, и из мрака, изогнувшись, выползло бледное щупальце; оно опустилось между ними, ощупывая землю вокруг себя, словно в поисках чего-то. Нетрудно было догадаться чего.

подавляя в себе настойчивое желание огреть эту тварь своей дубинкой, Джонатан боком пробрался следом за Профессором обратно к лестнице, с ужасом наблюдая, как следом за первым щупальцем появляется второе, а потом и третье. Из темноты слышались звуки, производимые тяжело ворочающимся телом, и плеск.

Профессор взобрался по лестнице первым, передвигаясь со скоростью, удивительной для человека его возраста. Джонатан следовал за ним по пятам, отставая лишь настолько, чтобы не получить ногой удар по лицу. В тот самый момент, когда Профессор добрался до верха, Джонатан почувствовал, как мимо его штанины скользит упругое, словно резина, щупальце, легко щекоча его голую ногу над носком.

Ему показалось, что Профессор выбирается из ямы целый час, – во всяком случае, достаточно долго для того, чтобы та тварь внизу, чем бы она ни была, успела обвить холодным щупальцем щиколотку Джонатана. Он закричал, чуть не оступившись при этом на грубой железной ступеньке лестницы. Джонатан беспомощно задргал ногой, не в состоянии оторвать от себя чудовище, которое, казалось, ощупывало его, как будто пыталось определить, что это за добыча забрела в его логово.

– Лампа! – крикнул Профессор.

Ахав, яростно лая, прыгал взад-вперед у края ямы.

– Брось в него этой чертовой лампой! – крикнул Профессор. И Джонатан, не ожидая третьего приглашения, распрямил руку, подхватил лампу, соскользнувшую ему на ладонь, и швырнул ее в кромешную тьму внизу. Последовала вспышка горящего жира, а затем – жуткий завывающий вопль, после чего снизу донеслись шлепки и плеск, и нога Джонатана вновь оказалась на свободе. Он выскочил из ямы, как чертик из коробочки, и, прежде чем скрыться в темноте туннеля, обернулся вместе с Профессором, чтобы посмотреть на тварь, бышущую

на дне ямы. Она состояла, казалось, из одной головы с розовыми слепыми выпученными глазами, похожими на глаза розовых летучих мышей. Длинная щель ее рта подергивалась, пустая слюни, и она била себя пятнистыми синими щупальцами, словно пытаясь погасить пламя, которое ощущала, но не могла видеть. Сзади, в глубине туннеля, из которого она появилась, виднелась дюжина пар бледных глаз, горящих в свете лампы. Джонатан с Профессором решили отсюда бежать.

Когда вопли обожженной твари наконец стихли, они немного замедлили шаг. Джонатан шел первым, постукивая перед собой тростью, словно слепец, а Профессор просто следовал за ним, положив руку ему на плечо. Ахав, похоже, не нуждался ни в трости, ни в руке на чьем-либо плече, и когда Джонатан осознал это, он наконец остановился. Они решили не зажигать факел, поскольку знали, что он понадобится им позже, особенно если учитывать возможность вновь натолкнуться на такие ямы, как та, из которой они только что выбрались. Свечи не годились, потому что их слабенький огонек гас бы не переставая. Так что вместо того чтобы освещать дорогу, Джонатан привязал поводок к ошейнику Ахава, Профессор оставил руку на плече Джонатана, и оба они шли за псом, пока туннель не привел их наконец обратно в огромный подвал под захлопнувшимся люком. Здесь они зажгли пару свечей и обсудили свои дальнейшие планы.

В конце концов они решили исследовать туннель, который, согласно карте, вел к пещере Мальтиуса. Джонатан рассудил, что кем бы ни оказался этот Мальтиус, он, вероятно, будет лучшей компанией, чем те чудовища, которых они только что посетили. Это решение, как выяснилось чуть позже, было правильным.

Ведущий к пещере коридор был относительно коротким. Прежде чем попасть в нее, им пришлось четыре раза останавливаться и заново зажигать свечи, но, когда они наконец дошли, спотыкаясь, до выхода из туннеля и оказались в огромной, заполненной свисающими сталактитами пещере, перед их глазами предстало изумительное зрелище.

Пещера поражала своей шириной, глубиной и удивительно высоким потолком. Через щели и трещины в этом потолке сияло солнце. Щелей и трещин в потолке было столько, что казалось чудом, как он вообще еще держится. Свечи были здесь не нужны. Однако больше всего потрясала воображение расставленная повсюду мебель. Ее здесь было не счесть. Вдоль стен стояли громадные шкафы и длинные обеденные столы, посеревшие от пыли и потемневшие от времени. Были там и ломившиеся от одежды сундуки, и бесчисленное количество старинных стульев, массивных резных кресел с обрывками истлевшей кожи, свисающими с позеленевших бронзовых гвоздей.

В одном углу, в полумраке, находилась целая коллекция чучел, нечто вроде настоящей страны чудес; у них был такой вид, словно они пребывали в таком положении уже пару сотен лет. Слон с длинными изогнутыми бивнями и пучками шерсти вдоль хребта разглядывал незваных гостей зелеными стеклянными глазами. Рядом с ним располагались огромный гиппопотам и три крокодила, которые в свое время, должно быть, составляли в длину – от головы до хвоста – не меньше двадцати футов. В этом собрании присутствовали зебры, антилопы, огромные кошки и жутковатый буйвол с провалами вместо глаз, ростом почти со слона. За их спинами, в темноте, сбились в кучку четыре белые обезьяны. Среди всех этих странных, покрытых пылью животных высились беспорядочные кучи стульев, шкафов, столов, канделябров и всего прочего.

Пещера казалась запасником музея истории естествознания и одновременно складом древностей. Джонатана на мгновение посетила тревожная мысль – что все чучела находятся на волосок от того, чтобы ожить, и что, возможно, когда наступает ночь, старые лампы и канделябры начинают светить. Полуразвалившиеся клавикорды – наигрывать, и обезьяны собираются вокруг стола на призрачный обед, в то время как крокодилы нежатся на продавленных диванах.

Однако все это было маловероятно. Джонатан с Профессором начали рыться в стоящих повсюду сундуках, надеясь обнаружить там сокровища, но по большей части не находя ничего, кроме старой одежды. Содержимое тех сундуков, что стояли под трещинами в потолке, превратилось в нечто вроде влажной черной паутины, но те, что были защищены от непогоды, пребывали в гораздо лучшем состоянии. В них грудями лежали расшитые блестками платья, шелка, кружева, изящные жилеты и цилиндры. Один сундук был битком набит дешевыми украшениями: искусственными бриллиантами, стеклянными бусами, фальшивыми жемчугами, которые валялись через край и рассыпались по полу. В общем, и Джонатан, и Профессор были потрясены не столько самой этой мебелью – сундуками, набитыми старой одеждой, или даже жутковатым сборищем чучел, – сколько сочетанием всех этих вещей, спрятанных здесь в пещере под землей. Это было похоже на то, что описывалось в книгах Дж. Смитерса.

Однако никаких сокровищ тут не оказалось. Джонатан и Профессор набрали себе целые кучи старинных нарядов и только после этого сообразили остановиться и подумать, что вряд ли найдут способ вытащить все это из-под земли и взять с собой. Решение оставить все здесь было немыслимым, но в конце концов это было единственно разумное решение. Профессор обнаружил несколько сундуков со старыми маскарадными костюмами – их было достаточно, чтобы нарядить обитателей целого замка. Среди шляп с перьями и резиновых рук оказался лохматый костюм обезьяны, полностью закрывающий все тело. Джонатан надел было маску от него себе на голову, но тут же снял ее, потому что от нее начали отваливаться куски шерсти, бумаги, резины и кожи.

– Я должен взять это с собой, – сказал он Профессору, который тем временем нашел огромную полую голову аллигатора.

– Надень его, когда мы пойдем в гости к Лонни Госсету. Лонни увидит его и улетит в четвертое измерение.

Джонатан улыбнулся:

– Я подумал, что мог бы ходить в нем по городу. Меня принимали бы за человека, ведущего праздную жизнь.

– Вполне возможно. Во всяком случае, Дули наверняка бы принял. Дули и Бизл. Этот костюм слегка напоминает некоторые из продаваемых им образчиков портновского мастерства.

– А она очень похожа на настоящую обезьянью голову? – спросил Джонатан, поворачиваясь, чтобы взглянуть на четырех белых обезьян, стоящих за слоном. Но обезьяны почти полностью скрылись в тени. По мере того как солнце снаружи опускалось за верхушки деревьев, в пещере постепенно темнело.

– Мы что, собираемся провести здесь ночь? – поинтересовался Профессор.

– Нет, – решительно ответил Джонатан, оглядываясь на колышущиеся тени, отбрасываемые мрачной, увешанной паутиной мебелью. И на стеклянные глаза несусветного сборища чучел. – Как ты думаешь, мы сможем выбраться отсюда через одну из тех трещин в потолке?

– Змея смогла бы, если бы ею выстрелили из пушки, – буркнул Профессор. – Впрочем, у нас остался неисследованным еще один туннель. Давай зажжем факел и попытаем счастья там. В самом худшем случае мы сможем вернуться обратно в подвал.

Его план не вызвал возражений у Джонатана, которому было практически безразлично, когда исследовать эти туннели – в полночь или в полдень. Он ничуть не сомневался, что лучше уж провести ночь исследуя пещеры в поисках выхода, чем пытаться уснуть. Та атмосфера, что царил под Башней, не могла не отразиться на снах самым дурным образом.

– Давай возьмем с собой эти два костюма, – предложил он. – Подарим их Сквайру.

– Замечательная мысль, – одобрил Профессор. – Они как раз в его духе.

Джонатан нашел широкий кусок прочной ткани, расстелил ее на каменном полу, сложил на нее костюмы обезьяны и аллигатора и только тут обнаружил, что у аллигатора не хва-

тает одной лапы. Он не видел смысла таскать с собой неполный комплект, поэтому оба путешественника начали рыться в грудах костюмов и в конце концов обнаружили недостающую деталь на самом дне одного очень плохо сохранившегося сундука. Под резиновой лапой крокодила лежал сложенный кусок внутренней обшивки – старый, пожелтевший квадрат пергамента, покрытый беспорядочными линиями и выцветшими надписями. В одном углу виднелись руны эльфов. Профессор вытащил пергамент из сундука, а Джонатан тем временем нашарил у себя в рюкзаке пару свечей. Груда деталей от костюмов обезьяны и аллигатора была быстро забыта.

– Похоже, это карта, – заметил Профессор, указывая на стрелку у верхнего края рисунка, сразу под словом «север». Он нагнулся над пергаментом, понюхал его, а затем, держа уголок над свечой, внимательно присмотрелся к чернилам. В просвечивающем сквозь пергамент пламени свечи они оказались темно-пурпурными, и Профессор, к удивлению Джонатана, объявил, что это осьминожки чернила.

– Это пиратская карта, – убежденно сказал он. – Ошибиться невозможно. Кто еще пользуется осьминожьими чернилами? Никто. Это не подделка.

– Однако она довольно старая, – сказал Джонатан. – Все эти вещи, должно быть, лежат здесь уже сотню лет.

– Эта карта не могла пролежать столько времени, – возразил Профессор. – Она не выдержала бы сотню лет. Кто-то спрятал ее здесь, и, держу пари, я знаю, кто это был.

– От этих свечей никакого толку, – пожаловался Джонатан, стряхивая с ладони расплавленный воск. – Они уже наполовину сгорели. Давай сворачивай эту штуку и пойдем отсюда.

Профессор аккуратно скатал карту в трубку и перевязал ее полосками ткани. Джонатан взял лежащее на полу полотнище за углы, стянул его вместе с деталями костюмов в узел и завязал сверху еще одной полоской ткани. Профессор взялся за рюкзак, а Джонатан с натугой взвалил на плечо свой узел. В угасающем свете двух свечей они покинули странную пещеру и опять вернулись в подвал, где, не теряя времени, зажгли факел. Освещенные его дымящим, потрескивающим пламенем, они зашагали следом за Ахавом по третьему туннелю, ведущему к Пещере Троллей.

Глава 5. Гоблины

Этот туннель, похоже, не поднимался и не опускался, а шел прямо вдоль хребта, возвышающегося над башней. Джонатану пришло в голову, что если это так, то они с каждым шагом удаляются от поверхности земли. Вскоре, однако, туннель круто свернул влево и отклонился в сторону низовьев реки. Джонатан с Профессором прошагали по нему, должно быть, с милю и за все это время не заметили ни спусков, ни подъемов, которые могли бы дать повод для беспокойства. В одном месте он настолько сузился, что им пришлось чуть ли не двадцать ярдов ползти на четвереньках, отчего брюки на коленях покрылись рыжей глиной. Профессор, обнаружив, что пол туннеля больше не представляет собой сплошной камень, воспрянул духом, а еще где-то ярдов через двадцать ему на глаза попался изогнутый конец древесного корня, просовывающийся сквозь потолок.

Сразу же впереди туннель начинал спускаться вниз, и Джонатан с Профессором начали спорить при мерцающем свете факела – идти ли им дальше или же вернуться туда, где они нашли корень, и вырыть выход наружу. Однако ни у того, ни у другого не было настроения копать, поэтому они пошли дальше, следуя всем изгибам блуждающего под землей туннеля. Джонатан внезапно осознал, что он чудовищно устал. Ему казалось, что костюмы, которые он тащил на спине, весят все больше с каждой минутой, и он начал обдумывать, не разумнее ли просто надеть их. Однако мысль о том, что они с Профессором будут разгуливать по подземным переходам наряженные обезьяной и аллигатором, была совершенно нелепой, поэтому он от нее отказался.

Как раз в это время туннель расширился и превратился в пещеру примерно вдвое меньше пещеры Мальтиуса. Профессор шепнул, что это, должно быть, пещера Двух Троллей. И хотя они знали, что те тролли, которые могли обитать здесь сотню лет назад, уже давным-давно куда-то переехали, тем не менее дальше они пошли осторожно, внимательно вглядываясь в открывающиеся впереди темные проемы. Наконец они оказались у дальней стены пещеры и увидели в глубине уходящего вперед туннеля сияющее в темноте пятнышко света. Ошибиться было невозможно. Двумя часами раньше путешественники решили бы, что это луч солнца, и бросились бы к нему. Но на карманных часах Джонатана было почти восемь вечера, и солнце быстро садилось еще час назад. Более того, свет, казалось, то сжимается, то становится больше и пляшет на стенах пещеры, в точности как свет мерцающего пламени костра, – возможно, костра, разожженного парой троллей, компанией гоблинов или бандой грабителей.

Джонатану с Профессором было совершенно незачем объявлять о своем присутствии, прежде чем они узнают, что именно ждет их впереди, поэтому они потушили факел, затем при свете единственной свечи они развязали узел и натянули на себя костюмы. Джонатан сунул полотенце в рюкзак и надел на голову маску обезьяны. Профессор проделал то же самое с головой аллигатора. Джонатан, обливаясь потом в своем костюме, вскинул рюкзак на плечо, и они с Профессором крадучись пошли по туннелю в сторону костра. Ахав следовал за ними по пятам. Кудахтающий, безумный смешок эхом прокатился по туннелю, и Ахав зарычал в ответ. Затем до них донесся резкий звук флейты гоблинов и глухое гудение медного гонга, по которому ударяли каменным молотком. Джонатан с Профессором укрылись во мраке туннеля и оттуда принялись наблюдать за компанией гоблинов, которые сидели вокруг костра и жарили на нем рыбу. Один из них постоянно совал рыбы хребты в пучки того, что при желании можно было принять за волосы на голове его соседа. Тот, не очень-то довольный, что его причесывают рыбьими скелетами, в конце концов отвесил шутнику хорошую оплеуху, как показалось Джонатану, речным кальмаром, а потом начал колотить им своего недруга до тех пор, пока кальмар не разлетелся на куски. После этого они принялись молотить друг друга кулаками, к огромному удовольствию своих приятелей.

– Давай набросимся на них, – прошептал Джонатан сквозь свою обезьянью маску.

Профессор кивнул, и они с воплями ринулись на немногочисленный отряд гоблинов. Двое зачинщиков рыбной войны, которые катались по полу пещеры, кусая и царапая друг друга, очевидно, предположили, что эти новые вопли просто жизнерадостные одобрительные крики их товарищей. Те, однако, при виде надвигающихся на них из темноты обезьяны и аллигатора прекратили хихикать, завизжали и со всех ног бросились в примыкающий туннель. Двое драчунов закатились в костер, расшвыривая горящие ветки. Тот, что так вольно обращался с рыбьими хребтами, вскочил на ноги в охваченной пламенем драной рубашке и помчался прочь. Его противник устремился следом, и в конце концов их пронзительные крики затихли вдали.

Джонатан с Профессором, не тратя времени даром, сбросили с себя костюмы и опять спрятали их в самодельный мешок. Оба почти сразу заметили, что в туннеле дует прохладный, свежий ветерок. В пятидесяти футах дальше их глазам предстал темный проем, за которым виднелась глубокая пурпурная синева ночного неба; и наконец они выбрались на теплый вечерний воздух посредине крутого, поросшего дубами склона.

Примерно в миле к северу возвышался каменный замок, венчающий Гряды Высокой Башни. Под ним виднелись крошечные пятнышки света, горящего в окнах лачуги на болоте, и темная лента Ориэли, медленно выходящая по дну долины. Прямо у них под ногами сверкали огни деревни у Высокой Башни и, как не замедлил указать Джонатан, одноименного трактира, где можно было найти не только горячие пирожки с мясом и выловленным браконьерами лососем, но и бутылки с элем.

Ахав, похоже, почувствовал, что устами его хозяина глаголет истина, ибо он тут же побежал вниз по залитому лунным светом склону, пробираясь через кусты и вокруг валунов по направлению к огням деревни. Джонатан с Профессором Вурцлом последовали за ним, и темный вход в пещеру исчез в тени дубов у них за спиной.

– Знаешь, – заметил Профессор, – возможно, нам не следует особенно торопиться.

– Да нет уж, лучше поторопиться, – возразил Джонатан, – если мы хотим что-нибудь поесть. Трактир, вероятно, закрывается довольно рано. Кроме того, мне надоело бродить по пещерам.

Профессор кивнул в знак согласия:

– Я сам сыт этим по горло, хотя жаль, что у нас не было возможности осмотреть верхние этажи Башни. Впрочем, у нас еще есть завтрашний день.

– Именно это я сказал себе, когда тот спрут схватил меня за ногу, – отозвался Джонатан. – И раз уж мы говорим про завтра, я бы не прочь провести спокойный денек на реке, занимаясь наблюдением за птицами или, может, ловлей устриц – чем-нибудь таким, чему присущ дух приключений.

Профессор остановился, присел на огромную глыбу гладкого гранита и вытащил из-за пазухи блокнот с ручкой.

– Когда я говорил о торопливости, – изрек он, шурясь на реку поверх своего большого пальца, – я имел в виду, что было бы глупо потерять дорогу к тому месту, где находится вход в пещеру. У меня такое чувство, что мы еще и не начали по-настоящему исследовать эти туннели. Я бы хотел как-нибудь вернуться в замок с торговой баржей и вытащить оттуда того слона.

– А как ты думаешь его оттуда вытащить? – спросил Джонатан. – Ты собираешься разрезать его на куски и поднять по ступенькам?

– В этом-то все и дело. Эта пещера не так проста, как нам кажется. Если слона туда спустили, значит, там должен быть какой-то парадный вход, о котором мы ничего не знаем. А как насчет этих гоблинов, удиравших по боковому туннелю? Куда они бежали? А дверь? Нам еще нужно сообразить, как ее открыть. Думаю, будет вполне оправданным послать сюда

научную экспедицию, и я планирую предложить это Исследовательскому Обществу на осеннем симпозиуме.

Джонатан кивнул, чувствуя облегчение оттого, что Профессор не предложил, чтобы они предприняли эту экспедицию собственными силами. Через минуту Профессор Вурцл набросал грубую карту с привязками на местности и приблизительными расстояниями.

Полчаса спустя, грязные и усталые, они протиснулись в дверь трактира и опустились на стулья за столиком в углу. Обслуживающая их женщина в переднике с подозрением взглянула на голову аллигатора, которая высовывалась из прорехи в узелке Джонатана. Однако в прошлом году здесь произошло столько всяких странных событий, что она принимала все, с чем ей приходилось сталкиваться, почти как должное или, по крайней мере, производила такое впечатление. Джонатан убрал узел с дороги, запихнув его под стол, и при этом из него вывалилась обезьянья голова. Она прокатилась по полу и ударилась о туфлю официантки.

– Я вижу, у вас с собой обезьянья голова, – заметила она.

– После сегодняшнего вечера, – объяснил Джонатан, и это было наполовину правдой, – я без нее и шагу не сделаю. Когда попадаешь в неприятности, она может здорово пригодиться.

– Не сомневаюсь. – Официантка подобрала голову и отдала ее Джонатану. – Очень похожа на моего покойного мужа, только он почти ни на что не годился. Что будете есть?

– Ростбиф, – быстро ответил Джонатан. – И сливовый пудинг.

Официантка окинула его оценивающим взглядом – взглядом, в котором ясно читалось, что у Джонатана много общего с ее покойным мужем.

– У нас в кладовке есть холодная говядина и буханка черного хлеба. Еще найдется немного сыра и бочка соленых огурцов. Но никаких сливовых пудингов у нас нет.

– Тогда мы возьмем все это, – решил Профессор. – И еще кувшин эля и блюдечко с молоком вот для этой собачки.

Он не глядя ткнул пальцем в сторону высовывающейся из-под стола крокодильей пасти. Ахав незаметно для него отошел к двери и уснул там, в прохладе, которую давал залетающий с реки свежий ветерок.

– Все, что скажете.

Официантка медленно кивнула, нагнулась и со словами «хороший песик» потрепала облезающий нос аллигатора, а потом повернулась и скрылась на кухне.

– Она думает, мы сошли с ума, – констатировал Джонатан.

– По-видимому, да. То, что мы таскаем с собой эти наряды, может иметь непредвиденные последствия. Люди довольно редко смотрят на вещи объективно.

Джонатан согласно кивнул, и в этот момент в дверь вошел Лонни Госсет, галантерейщик.

– Господин Госсет! – воскликнул Джонатан. – Боже мой!

Удивленный Госсет присел за их столик, заказал официантке пинту эля и сказал:

– Ну-ну. Как дела, а? Опять гоняетесь за призраками, да? Или перевозите сыр?

– Ни то, ни другое. Мы в отпуске, – объяснил Профессор. – Направляемся к землям коротышек – там, за Лесом. Собираемся навестить Сквайра.

– Значит, Сквайра, – Госсет был одним из самых ярых его почитателей. – Подумать только. В отпуске. Я не был в отпуске с юношеских лет. Мне нужно присматривать за лавкой. Торговля оживляется. В такую жару всем нужны соломенные шляпы. Я не успеваю их делать.

Все трое принялись обсуждать торговлю галантерейным товаром; при этом Джонатан с Профессором не забывали отрезать себе куски говядины, сыра и хлеба. Ахав присоединился к ним почти сразу после того, как принесли еду, и вылакал молоко, которое официантка поставила перед аллигатором. Джонатану, как, возможно, и Профессору, не терпелось взглянуть на карту сокровищ, но инстинкт подсказывал ему, что это опасно – выставлять такие вещи на всеобщее обозрение. В конце концов, однако, любопытство и предвкушение взяли верх над инстинктом, поэтому позже вечером, когда они с Профессором и Госсетом остались в трак-

тире единственными посетителями, он предложил Профессору развернуть «бумаги», найденные ими в сундуке.

Вурцл развязал полоски ткани, стягивавшие скрученный в трубку пергамент, и разгладил его на освобожденном от посуды столе. Джонатан и Госсет склонились над картой, и Профессор начал проследивать линии и читать отдельные выцветшие надписи. Изображенная на карте территория, совершенно очевидно, располагалась на берегах крупной реки – реки, которая была гораздо шире, чем Ориэль, и явно протекала неподалеку от моря. Названия были незнакомы всем троим, даже Профессору, который в свое время изрядно попутешествовал.

Госсет считал, что эта карта – великолепная вещь, но, будучи дальновзорким, ничего не мог на ней разобрать. Ни Джонатан, ни Профессор не потрудились объяснить ему, что на карте обозначено место, где спрятаны сокровища. Естественно, они с большим уважением относились к своему старому другу Лонни Госсету, но это, что вполне разумно, в данных обстоятельствах было несущественно.

Самым загадочным из всех примечаний на карте была нацарапанная сверху надпись – одно слово «Бэламния»; возможно, это было название города, раскинувшегося вдоль реки, или страны, где протекала эта река. Все это было загадкой. И Джонатану, и Профессору название казалось смутно знакомым, хотя ни тот, ни другой не знал почему. Джонатан вроде бы видел упоминание о Бэламнии в книге Глаба Бумпа, а Профессор припомнил, что слышал как-то о бэламнийском зубатом ките, хотя и не мог сказать точно где и когда. Госсет заметил, что в отношении галантерейной торговли это слово – пустой звук. В результате их положение было немногим лучше, чем без карты, и, если говорить честно, они чувствовали некоторую подавленность. Один только возраст и внешний вид карты, не говоря уже о том удивительном факте, что она была вычерчена осьминожьими чернилами, казалось, обещал сундуки с жемчугом, монетами и драгоценными камнями. Трое приятелей молча сидели над скорбными остатками ужина. У Джонатана и Профессора Вурцла было странное ощущение, будто их в чем-то обманули. Лонни Госсет крепко спал и несколько раз чуть не упал со стула. В конце концов он покачнулся, вздрогнул и проснулся. Глядя вокруг дикими глазами, он громко крикнул: «Габардин и шерсть!» – ткнул пальцем в сторону Джонатана и, окончательно очнувшись, спросил:

– Что? Я спал? Полагаю, да.

– Совершенно верно, – подтвердил Джонатан.

– Я работал весь день, – объяснил Госсет, словно извиняясь. – Делаю шляпы для одного волшебника. Знай я, что с этим связано, ни за что бы не взялся за этот заказ. По мне, так все это сплошное баловство. Все то время, что я простегиваю и вымачиваю материал, он тут как тут, трясет над ним жабами, распевает то да се и что-то над ним шепчет.

– Кто? – возбужденно перебил его Джонатан. – Что за волшебник? Ему была нужна высокая шляпа?

– Высокая? Да уж не иначе. Я ему сказал, что она ни за что не будет держаться у него на голове, но он ответил, что заставит ее, наложив заклинание.

– Волшебник Майлз? – вмешался в разговор Профессор.

– Милейз, – поправил Госсет, правильно произнося имя. – Он самый. Вы его знаете?

– Да, – кивнул Джонатан. – И провалиться мне на этом самом месте, если он не тот человек, к которому как раз и следует обращаться, когда речь идет о непостижимых тайнах и далеких землях.

Профессор кивнул и жестом подозвал официантку, которая читала книгу возле стойки бара.

– А где этот волшебник? – спросил Джонатан у Госсета. – Он остановился в городе?

– Он остановился в этом самом трактире. – Госсет положил на стол несколько монет, однако Профессор настоял на том, чтобы заплатить за его эль, и когда официантка принесла сдачу, осведомился у нее:

– У вас тут случайно не живет один волшебник?

Женщина закатила глаза.

– Так, значит, вы друзья этого колдуна, – констатировала она ровным голосом, который давал понять, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит. – Мне следовало догадаться. Он сейчас наверху, жжет травы в четвертом номере.

– Я, наверно, поднимусь и перекинусь с ним парой слов, – сказал Джонатан, вытаскивая обезьяний костюм. – Добрый старина Майлз. Ему это должно прийтись по душе больше, чем тем гоблинам.

Профессор, казалось, считал, что сейчас уже слишком поздно для шуток. А у официантки был такой вид, словно она все это время знала, что дело дойдет до таких вещей, как обезьяньи костюмы. Госсет же опять спал.

Джонатан надел костюм, вытряхнул из маски мусор, натянул ее на голову, опять снял и повернулся к Профессору:

– А что если я ворвусь к нему в обезьяньем костюме, но с головой аллигатора?

– Он сразу поймет, что что-то не так.

– Возможно, ты прав, – согласился Джонатан. – Не нужно портить эффект.

Официантка кивнула и будничным голосом спросила:

– Вы ведь не собираетесь его убить?

– Убить его! – в ужасе закричал Джонатан. – Мы же не сумасшедшие!

Официантка опять кивнула. Джонатан направился вверх по лестнице, посмеиваясь под своей обезьяньей маской над предполагаемой реакцией Майлза. Четвертый номер найти было легко, поскольку на втором этаже находилось всего два пронумерованных помещения. Даже сквозь маску Джонатан слышал, как за филенчатой дверью кто-то поет. Из-под двери просачивался запах курящихся трав – в особенности шалфея, померанца и сирени. Джонатан постучал два раза, надеясь, что не прерывает ничего более серьезного, чем безобидная медитация.

Пение тут же смолкло.

– Да, – послышался писклявый голосок Майлза. – Кто там?

– Горничная, – крикнул Джонатан, как он считал, женственным фальцетом, гадая про себя, как звучит этот фальцет после прохождения сквозь маску.

– Войдите, – пригласил Майлз.

Джонатан, повинувшись этому приглашению, широко распахнул дверь и, прежде чем с разными ужимками вбежать в комнату, издал на потеху оставшимся внизу, как ему казалось, довольно точную имитацию обезьяньего вопля. Он намеревался просто ворваться к Майлзу и немножко поплясать перед ним, а потом сорвать с себя маску и от души посмеяться. Однако не успел он миновать дверной проем, как Майлз, который сидел на полу в позе «лотос», с криком вскочил на ноги. У него был вид человека, чьи самые худшие страхи воплощаются в жизнь. Увидев перед собой нечто косматое, он присел на корточки в позе заклинателя и, ужасающе голоса, взмахнул рукой.

Джонатан перестал плясать, осознав, что его обезьянья голова каким-то необъяснимым образом оказалась охваченной огнем. Перед ним плясал выкрикивающий заклинания колдун, а сзади находилась лестница. Джонатан повернулся и бросился вниз по ступенькам, стягивая с себя маску и громко призывая Профессора наполнить кувшин водой. В конце концов пожар потушила официантка, которая залила его ведром эля. На лестнице появился ошеломленный Майлз.

– Профессор! – воскликнул он. – Представить только, что я встретил вас здесь. Это ваша обезьяна?

– Это я, – отозвался Джонатан, которому наконец удалось снять маску.

– Джонатан Бинг! Какими судьбами? – Майлз повернулся к официантке, словно ожидая от нее объяснений.

– Они сказали, что они – ваши друзья. Мне это показалось правдоподобным.

– Это абсолютно верно. Мы знакомы уже давно. По меньшей мере шесть месяцев. Зачем ты так вырядился, Джонатан? Я тебя не узнал.

– Хотел немного пошутить, – ответил Джонатан.

– Разумеется, разумеется. – Майлз энергично закивал.

Джонатан взглянул на плачевные остатки обезьяньего костюма:

– Я каким-то образом загорелся.

– Боюсь, в этом виновато мое заклинание, предназначенное для поджаривания тостов. Это было первое, что пришло мне в голову.

Лонни Госсет осмотрел обезьянью маску и, к облегчению Джонатана, пришел к заключению, что сумеет привести ее в достаточно приличный вид. Собравшись через несколько минут вернуться к себе в номер, он забрал ее с собой и пообещал оставшимся встретиться с ними за обедом на следующий день в полдень.

– Итак, – сказал Профессор, когда они расселись вокруг стола, чтобы отведать яблочный пирог, который официантка обнаружила в буфетной, – что привело тебя на юг?

– Дурные вести, – мрачно ответил Майлз, запихивая в рот кусок пирога.

– Вести о гноме? – боязливо спросил Джонатан.

– Возможно. Хотя будь я проклят, если я понимаю, каким образом он к этому причастен. Во имя безопасности Сквайра надеюсь, что никаким.

– Сквайра? – Теперь Профессор встревожился. – Что случилось со Сквайром? Я знал, что нам следовало повесить этого проклятого гнома!

– Хорошо, что вы не стали даже пытаться, – возразил ему Майлз. – Я провел большую часть зимы рыская по Городу Пяти Монолитов. Я, можно сказать, пообещал Твикенгему, что буду присматривать за Шелзнаком. Разумеется, Шелзнак занимался всякими грязными делишками, но они были довольно обычными – убийства и все такое прочее, – и было ясно, он знает, что я рядом. В апреле он исчез. Я слышал из авторитетных источников, что он направился в низовья реки, и потому, не торопясь, спустился по реке к Лесу, но там потерял его след. Невозможно следить за продвижением через Лес злой силы. Там уже и так слишком много зла. Так что я уладил одно дело на пристани Ивовый Лес и опять поднялся по реке, держа путь к городку Твомбли, чтобы повидаться с вами обоими. Я стоял лагерем на берегу, когда мимо меня проехали верхом на пони Буфо Моринус и Гамп Уз. Твикенгем посоветовал им, если будут какие-то новости о гноме, разыскать меня. Он жутко самодовольный негодяй, этот Шелзнак, и ради мести готов абсолютно на все. Ну так вот, может, это совпадает, а может, и нет, но Шелзнак появился в этих краях. Через два дня Сквайр исчез.

– Исчез? – воскликнул Джонатан, которому было трудно представить себе, что Сквайр может исчезнуть.

– Пропал. Я сейчас направляюсь туда, но мне нужно сначала, чтобы мне починили шляпу. Ваш приятель Госсет над ней работает. Говорят, со шляпами он творит чудеса.

– И с обезьяньими масками тоже.

– Ну что ж, – подытожил Профессор, – значит, нам с вами по пути.

Он рассказал Майлзу об их планах посетить Сквайра.

– Должен вас предупредить, – заявил волшебник, – что тут творятся всякие грязные дела. Возможно, нас ожидают бурные времена.

Слушая окончание истории Майлза, они допили кофе и доели пирог. Сквайр, как оказалось, просто исчез. Сидел в своей библиотеке и вдруг пропал – будто его ветром сдуло. Это было загадочным и подлым, поскольку Сквайр Меркл был, разумеется, прямым наследником трона коротышек.

Опасно это было или нет, к концу рассказа они вдвойне преисполнились решимости продолжать свое путешествие. По сути, они договорились выехать вместе с Майлзом на следу-

щий день, как только Лонни Госсет починит волшебную шляпу. Джонатану не терпелось отправиться в путь и претила мысль целый день болтаться по все еще полупустынной деревне. И он испытывал облегчение, поскольку предстоящее путешествие должно было покончить с любой возможностью дальнейшего исследования Башни. И его увлекало обещание приключений. Но больше всего он стремился помочь бедному Сквайру, который почти в одиночку вырвал его и Профессора из лап гнома Шелзнака и его приспешницы, Беддлингтонской обезьяны.

Они решили спуститься на плоту по реке до станции Ивовый Лес, чтобы не соваться на тот участок прибрежной дороги, который проходил по опушке Леса Гоблинов. Плот они оставят на станции, наймут пони и будут в Меркл-Холле самое большое через неделю. Если поторопятся, то смогут добраться быстрее. Конечно, неделя – это ужасно долго, но тут уж ничего не поделаешь. Волшебник Майлз послал весточку на восток, чтобы сообщить об исчезновении Сквайра эльфам. Существовал ничтожный шанс, что в этот самый момент с Белых Гор к землям коротышек летит воздушный корабль эльфов – корабль, который мог бы довезти их до Меркл-Холла за считанные часы. Однако вероятность того, что этот корабль заметит их троих на реке на прибрежной дороге, была очень маленькой. Им придется усмирить свое нетерпение.

Из-за всех волнений этого вечера карта сокровищ была забыта. Поздно ночью, когда Майлз поднялся к себе в комнату, а Джонатан с Профессором пошли спать на стоящий в гавани плот, они вспомнили о ней и решили показать ее Майлзу на следующее утро. Но, не пройдя и половины пути до гавани, передумали. Им троим показалось, что в данных обстоятельствах карта сокровищ, так или иначе, не стоит их внимания и что исчезновение Сквайра каким-то образом снизило значение клада. Поэтому, учитывая опасность их предприятия, самым разумным будет свернуть ее и не думать о ней до тех пор, пока Сквайр не окажется в безопасности. Они тут же скрепили эту договоренность рукопожатием, не испытывая никаких сожалений.

Глава 6. Смех в тумане

На следующий день они встретились в трактире с Госсетом. Он протиснулся в дверь задом наперед, с восстановленной обезьяньей маской на голове и кричащей конусовидной шляпой волшебника в руках. Она была даже выше, чем старая шляпа Майлза, и по ней были дивным образом разбросаны несущиеся в вихре звезды, луны и кольцеобразные планеты. Ее остроконечную тулью венчала вырезанная из слоновой кости голова с двумя лицами: с одной стороны виднелось улыбающееся пухлое детское личико, с другой – ухмыляющаяся физиономия морщинистого старика. Шляпа не была такой тяжелой, какой выглядела на первый взгляд. Она казалась какой-то одушевленной, словно ей хотелось покататься и попрыгать, а резной шар на вершине конуса медленно и как бы сам по себе поворачивался, отчего сменяющие друг друга лица сливались в одно непрерывно повторяющееся расплывчатое лицо – лицо, которое жутковато напоминало волшебника Майлза.

– Ну вот, – сказал Майлз, забирая шляпу у озадаченного Госсета. – Великолепно, сэр. Вдвоем мы изготовили потрясающую шляпу.

– Потрясающую! – вскричал Госсет. – Эта штукавина живая. Волшебство, вот как я это называю.

– Волшебство и кое-что еще.

Майлз водрузил шляпу себе на макушку, и она, заняв удобное положение на его голове, видимым образом расслабилась, будто наконец оказалась дома. Майлз поднялся и крадущейся походкой прошелся по комнате, к огромному удивлению тех немногих жителей деревни, которые сидели наслаждаясь своим обедом. Потом он раз или два подпрыгнул в воздух, подобно балетному танцовщику, пригнулся, закрутился волчком, замахал руками и, словно на бис, исполнил сальто вперед, в результате чего один из стульев с грохотом полетел на пол.

– Эй, вы там! – крикнул трактирщик, выходя из-за стойки бара с тряпкой в руках. – Посмотрите, что вы сделали с этим стулом.

– Извините, – отозвался Майлз. – Как неудачно вышло.

Он привел в движение вращающийся резной шар на своей шляпе, выкрикнул что-то, что прозвучало как неудачная имитация птичьего клича, и указал пальцем на стул; тот медленно взмыл в воздух, а затем опустился на все четыре ножки.

– Вот, – сказал Майлз.

Двое посетителей трактира вскочили и бросились вон из зала; третий зарылся лицом в газету.

– Похоже, в этих краях весьма болезненно реагируют на волшебство, – заметил Майлз, усаживаясь и снимая свою шляпу.

– И это неудивительно, – откликнулся Джонатан. – В последнее время они его видели более чем достаточно. Замечательно же то, что шляпа остается у тебя на голове, даже когда ты ходишь колесом.

– Теперь это настоящая шляпа. Хорошая шляпа знает голову своего хозяина и сидит на ней так же плотно, как снежная шапка, венчающая гору.

– Да уж.

Джонатан вспомнил шляпу в том виде, в каком она была шесть месяцев назад, – вечно болтающаяся и сваливающаяся. Майлз привязывал ее под подбородком, так затягивая тесемки, что чуть не начинал задыхаться.

Они угостили Госсета пинтой пива и мясной запеканкой с картофелем и попрощались. Рассиживаться за обедом путешественникам внезапно показалось неоправданным легкомыслием. Через полчаса плот был уже на середине реки и, разворачиваясь по течению, проходил

мимо деревни у Высокой Башни. Путники подняли паруса, чтобы воспользоваться северным ветром, и плот рванулся вперед, словно ему не терпелось оказаться в низовьях реки.

Майлз поджег в небольшом горшочке траву и, пролистав книгу заклинаний, нашел то, которое усиливало ветер. Повышала ли новая шляпа эффективность заклинания, или же просто Майлз был очень могущественным волшебником, сказать было трудно, но ближе к вечеру ветер стал дуть строго в направлении устья реки и с такой невероятной силой, что заросли ольхи и болиголова по берегам начали раскачиваться и гнуться почти до земли, а снасти – трещать и поскрипывать. Майлз поджег новую порцию трав и стал лихорадочно работать над уменьшением ветра, однако в конце концов Джонатану пришлось убрать парус, чтобы его не разорвало на куски.

Ветер улегся уже после того, как стемнело. В этот день путешественникам удалось покрыть громадное расстояние, но они решили плыть и ночью, неся вахту по очереди. Около четырех часов утра плот обогнул какой-то мыс и вышел на длинную полосу темной воды, которая спокойно и зловеще катилась вдоль огромного пространства, занимаемого Лесом Гоблинов. Все, кто был на борту, включая Ахава, расселись на палубе, наблюдая за неясными очертаниями заросших лесом берегов и за изменчивыми тенями дубов, пляшущими в лунном свете на поверхности воды.

Несколько раз они видели сквозь деревья мерцание костров гоблинов и редящие точки блуждающих огоньков. Далекий гул медного гонга поведал им о пирушке гоблинов где-то в сердце Леса. Когда над холмами на востоке поднялось солнце и стало рассветать, на прибрежной дороге появились два дергающихся, как марионетки, скелета. До наблюдающих за ними в молчаливом ужасе путешественников долетело по воде слабое пощелкивание и стоны. Майлз в конце концов выкрикнул в их сторону поджаривающее заклинание, но расстояние, должно быть, было слишком большим, потому что скелеты исчезли под сенью леса, как будто стремясь скрыться от лучей встающего солнца.

Обитатели плота были, разумеется, настолько же рады солнцу, насколько ему не были рады жители Леса. Воодушевляемые свежим кофе и утренним ветерком, путешественники вновь поставили парус и поспешили к пристани Ивовый Лес, где на следующий день оставили плот привязанным к свае и отправились дальше по суше на взятых напрокат пони.

Какую-то часть пути они проехали по прибрежной дороге, выходящей среди зарослей болиголова, дубов и красных деревьев. Дорога, которой мало кто пользовался, была зеленой от весеннего мха и щавеля, и было бы так приятно просто брести по ней, изучая жаб и головастиков и собирая дикие цветы для гербария. Но у путников не было времени наслаждаться красотами пейзажа. В этот и следующий день они скакали со скоростью, на какую только могли осмелиться, и, оставив Ориэль позади, начали подниматься к предгорьям, которые медленно поднимались к Горной Стране эльфов.

Тропинка, похоже, следовала как нельзя более неспешным и извилистым курсом, блуждая среди гребней одиноких холмов. Джонатану показалось, что это отнюдь не самый прямой и быстрый путь, и он сказал об этом Майлзу.

– Самый прямой путь зачастую ведет к самому запутанному концу, – загадочно изрек тот.

Они переправлялись через бесчисленное количество маленьких ручейков и пересекали широкие, заросшие клевером и дикими травами луга, останавливаясь на ночлег под чистым, усеянным звездами небом на вершинах холмов, подальше от влажных низин. Однажды поздним вечером, на полпути между рекой и местом своего назначения, они сидели вокруг костра, обсуждая возможные причины исчезновения Сквайра. Ни один из путешественников не мог понять, что произошло. Единственное свидетельство того, что гном Шелзнак приложил к этому руку, основывалось на том, что его видели в окрестностях примерно в то время, когда все случилось. Это, безусловно, было подозрительным, но не более того, Джонатан указал на это Майлзу, однако тот, похоже, с ним не согласился. К концу вечера Джонатан начал подо-

зреть, что Майлз почему-то уверен в том, что Шелзнак замышляет всякие козни: в стране зашевелились дьявольские силы, а недавнее изгнание гнома из его крепости на Гребне Высокой Башни всего лишь на какое-то время успокоило надвигавшуюся бурю.

Ночь была теплой, слишком теплой, чтобы им был по-настоящему нужен костер. Но они все равно разожгли его, потому что так было веселее и потому что вокруг валялось много хорошей сухой древесины. Над головой в изобилии сияли звезды. Джонатан как-то слышал, что среди звезд плавают галеоны эльфов, закидывая в небесные глубины длинные золотые сети, в которые попадают звездные самоцветы. Тогда он не особенно в это поверил, но сейчас, лежа под сверкающей неразберихой Млечного Пути, он подумал, что это не так уж и неправдоподобно. Случаются и более странные вещи.

Он как раз начинал засыпать, только что соскользнув в любопытную страну грез, в которой он и Ахав плыли на маленькой гребной лодке по реке между звезд, когда вдруг Профессор разбудил его, тряхнув за плечо. Джонатан увидел, что Майлз взобрался на кучу камней и всматривается сквозь залитую лунным светом ночь в ближайший ивовый куст, растущий у входа в небольшую долину, там, где сходятся вместе два холма, обрамляющие тропу, ведущую в земли коротышек.

Джонатан с Профессором присоединились к волшебнику, и все трое принялись наблюдать за струйками тумана, которые поднялись из куста, словно просачиваясь из-под земли. Туман клубился в ночном воздухе – который во всех других отношениях был абсолютно прозрачным – и медленно плыл над лугом в сторону трех приятелей. Джонатан слышал, как Майлз что-то бормочет себе под нос, вероятно читает заклинания. Туманное облачко подплыло ближе и наконец, где-то в сорока футах от их лагеря, будто растеклось, наткнувшись на невидимую стену. Какое-то мгновение туман клубился, колыхаясь на месте, а потом двинулся по широкому кругу в обход их лагеря, едва касаясь верхушек луговых трав. Джонатану на минуту показалось, что он слышит в пролетающем ветерке низкий смех, а Профессор как раз в этот момент наклонил голову и насторожился, словно тоже его услышал. Туман повисел немного на опушке леса ниже по склону, а затем исчез в темноте.

Трое приятелей вернулись обратно в лагерь и там, к своему изумлению, обнаружили, что костер погас. Он не просто догорел, но был холодным, будто потух уже неделю назад. Впечатление было такое, словно что-то задуло, взорвало его, потому что обломки веток и пепел были разбросаны по их спальным мешкам.

– Какого черта? – воскликнул Джонатан. Все это происшествие казалось необъяснимым.

– Что бы это ни было, оно ушло, – заметил Профессор.

– Будем надеяться, что он ушел, – откликнулся Майлз.

– Он? – эхом отозвался Джонатан.

– Кто может сказать точно? – задумчиво отозвался Майлз. – У меня есть кое-какие подозрения.

У Джонатана к этому времени начали появляться собственные подозрения. Он полежал немного, думая о них, но, не успев додуматься до каких-либо далеко идущих выводов, заснул, и ему почти сразу приснился тот же самый сон о катании на лодке среди звезд. Однако на этот раз сон был проникнут атмосферой какого-то особого страха – чувством, что он катается не для собственного удовольствия и что за ним наблюдает и его преследует нечто прячущееся в пурпурной, затянутой дымкой темноте, у него за спиной. Ночь была заполнена подобными снами. Утром, как только рассвело, друзья отправились в путь, завтракая на ходу.

В течение двух последующих дней ничто не указывало на то, что они были на территории коротышек, потому что на их пути не встречалось ни ферм, ни коттеджей, ни путников. Однако через пять дней после отъезда из деревни у Высокой Башни путешественники проснулись под звяканье колокольчиков, висевших на шеях у коров, и увидели стадо огромных, похожих на гиппопотамов животных, которые спускались по раскинувшемуся ниже по склону лугу,

сопровожаемые двумя серьезного вида коротышками, курящими длинные трубки, сделанные из вишневого дерева.

К полудню путники миновали три довольно большие деревни, и один из жителей, с безумными глазами и широким улыбающимся лицом, сообщил им, что они находятся где-то в шести милях от Меркл-Холла. Они пообедали хлебом с сыром и вином из фляги, передавая все это друг другу на ходу. Час спустя друзья свернули за поворот дороги, и им открылся возвышающийся на отдаленном холме Меркл-Холл – просторное, наполовину бревенчатое строение, представляющее собой совершенно изумительное нагромождение портиков, фронтонов, мансард и башенок, окруженное роскошным парком с четкой планировкой и ручейком, извиляющимся среди прудов со скалистыми берегами.

Джонатан мог себе представить, как похожий на пирамиду Сквайр, облаченный в просторные штаны на подтяжках, вкушает плотный завтрак на широкой веранде перед Холлом, и он задумался над тем, какой же негодяй мог причинить Сквайру вред. Ответ, разумеется, пришел ему в голову почти немедленно. Этот ответ, должно быть, пришел и в другие головы, потому что здесь, под окнами Холла, стоял воздушный корабль эльфов.

По прибытии Джонатан, Профессор, Майлз и Ахав обнаружили, что все в Меркл-Холле окутано завесой тайны. Даже эльфы были ошарашены. По сути дела, когда трое путешественников вошли в столовую, все как раз обсуждали случившееся. Эльф Твикенгем был вместе со своим другом Тримпом. Коротышек там было несколько: Буфо Моринус, Гамп Уз и, разумеется, юный приятель Сквайра, Ветка. Еще один коротышка, печального вида малый, одетый лакеем, взволнованно пересказывал историю исчезновения Сквайра. Он говорил громким голосом и время от времени, чтобы придать драматизм своему повествованию, выкрикивал: «Разрази меня гром!» Джонатану было ясно, что без подобных дополнений здесь не обойтись, поскольку в рассказе было маловато деталей.

Прошло немного времени, прежде чем Буфо заметил, что трое его друзей стоят в вестибюле.

– Господин Бинг! – воскликнул он. – Профессор!

Ахав подбежал к Буфо, который в это время разрезал ростбиф, и, похоже, обрадовался при виде своего старого друга не меньше, чем при виде мяса.

На столе стоял великолепный обед, показавшийся вдвойне великолепным троим путешественникам, которые, честно говоря, большую часть времени, проведенного в пути, питались довольно скверным вяленным мясом и черствыми булочками. Помимо ростбифа, там был огромный дымящийся пудинг и груды жареного картофеля. Повсюду были расставлены вазы с весенними фруктами.

Трое друзей едва успели пожать всем руки, как их усадили в кресла и подали бокалы с вином. За столом их оказалось девять человек, но он был таким длинным, что за ним спокойно могли разместиться еще девять гостей и никто не толкал бы соседей локтями. Во главе стола стояло огромное кресло на тяжелых резных ножках – кресло, которое явно предназначалось для кого-то очень массивного. На его спинке был вырезан герб Меркла – поднявшийся на дыбы жареный гусь на сваленном в кучу винограде и удирающий гоблин в горящих штанах где-то сзади. Это был самый странный из всех гербов, которые Джонатан мог припомнить, но он изумительно подходил Сквайру, так же как и кресло. Но, увы, оно стояло там пустое, в то время как все остальные поглощали съестные припасы хозяина.

– Итак, Буфо, – начал Майлз, когда обед уже шел своим чередом, – что слышно? Как продвигается расследование?

– Да, – поддержал его Твикенгем, который сам только что прилетел вместе с Тримпом. – Рассказ этого джентльмена кажется мне чушью – прошу прощения, приятель. Это какое-то безумие.

Рядом с креслом Твикенгема стояла его остроконечная шляпа с астрономическими символами – почти такая же, как у волшебника, но без резной головы сверху и далеко не такая высокая. Эта шляпа, решил Джонатан, служила для обозначения какого-то ранга. Все другие эльфы, с которыми он был знаком, включая Тримпа, носили остроконечные шляпы различных цветов, но без сложного узора из звезд, лун и планет. Возможно, то, что коротышки послали и за Твикенгемом, и за Майлзом, указывало на серьезность таинственных происшествий.

– Мы не уверены, – отозвался Буфо, делая жест в сторону бедного лакея, который вместе со всеми остальными налегал на ростбиф и пудинг. – Этот человек рассказал нам странную историю – слишком странную, чтобы быть ложью, если хотите знать мое мнение. Провалиться мне на этом месте, если это не проделки гнома.

– Когда его здесь видели? – спросил Твикенгем.

– Примерно полторы недели назад, – ответил Буфо, подцепляя горсть жареных картофельных ломтиков. – Его обслуживали в трактире деревни Глимби. У него была шляпа, плащ и посох. Нет никакого сомнения, что это был он. И он спрашивал про Сквайра.

– А почему, как ты думаешь? – поинтересовался Джонатан. – Что он мог выиграть, навредив Сквайру?

– Или похитив его, – добавил Буфо.

– Выкуп? – предположил Профессор.

– Шелзнак не нуждается в деньгах, – возразил Твикенгем. – Месть – это больше по его части. Месть или...

Однако он не закончил фразу, а вместо этого подцепил вилкой кусок пудинга и сунул себе в рот, словно чтобы заткнуть его.

– Или – что? – Ветка был в ужасе.

– Ничего, – ответил Твикенгем.

– Оставим это, – согласился Профессор. – Нет смысла так накручивать себя из-за подобных вещей. И вообще, как он мог справиться со Сквайром?

– Расправиться с ним! – ахнул Ветка.

– Что это, черт возьми! – крикнул Гамп, указывая на окно.

Все вскочили на ноги, а Буфо ринулся к окну. Однако там ничего не было, лишь одна из свиной Сквайра, приученная искать трюфели, рылась пяточком в клумбе.

Все снова уселись за стол.

– Эй! – воскликнул Ветка. – Где мой ростбиф? У меня была корочка, а теперь ее нет. Теперь у меня лежит вот это!

Он поднял вверх жилистый, непрожаренный кусок мяса, который выглядел так, будто кто-то уже пытался его есть при помощи ножниц для стрижки изгородей и искусственных челюстей.

– Это работа дьявола, – заявил Гамп. – Вот, должно быть, кого я видел в окне. Сначала он похитил Сквайра, а потом – твой ростбиф.

– Это ты похитил мой ростбиф! – завопил Ветка, указывая на тарелку Гампа.

– А тебе достался мой! – парировал Гамп. – Все честно.

– «Честно!» – крикнул Ветка. – Я тебе покажу честно! – И он раскромсал пудинг Гампа на куски своей вилкой.

– Джентльмены! – воскликнул Твикенгем. – Успокойтесь!

Джонатан видел, что дело принимает довольно типичный для коротышек оборот.

– Эй, Ветка, – вмешался он, – у меня тут хороший кусок ростбифа. Возьми его себе. Я все равно от него не в восторге. На мой вкус, слишком много горелого жира.

Он отдал Ветке свою порцию и взял себе с блюда кусок с кровью. Мир был восстановлен, и Буфо продолжил:

– Мы ничего не знаем о мотивах, но мы знаем вот что: Шелзнак останавливался в деревне Глимби по меньшей мере за час до того, как исчез Сквайр. Он почти наверняка думал найти Сквайра наверху в Холле.

– Дело становится все более странным, – прокомментировал Майлз на манер волшебников.

– Это так, – согласился Буфо. – И еще более странно то, что две ночи спустя гнома видел садовник Альф. Шелзнак шарил среди нарциссов и, как говорит Альф, заглядывал в окна. «Я ищу свои очки», – сказал он Альфу. А это – ложь, как мы знаем, и еще он сказал, что он друг Сквайра. Итак, Альф сообщил ему, что Сквайра никто не видел вот уже два дня, а гном заявил, что это неправда. Но Альф не из тех, кто лжет, и Шелзнак это видел. Альф говорит, что Шелзнак пошел через лужайку, затачиваясь, как бешеный, своей трубкой, и больше не вернулся.

– Значит, Шелзнак не похищал Сквайра, – заключил Майлз. – Он даже не знал, что Сквайр исчез.

– Или же, – пронизательно заметил Профессор, – он хотел, чтобы мы во все это поверили. Твикенгем покачал головой:

– Ему плевать на то, во что мы верим. Он делает то, что ему хочется. И в один прекрасный день это его погубит. Это его самомнение.

– Тогда куда девался Сквайр? – спросил Джонатан, возвращаясь к прежней теме.

– Он прошел прямо сквозь стену! – крикнул лакей, который лихорадочно расправлялся со своей едой. – Разрази меня гром, если это не так. Я не сумасшедший!

– Разумеется нет, – убежденно сказал Джонатан.

– Сквозь стену? – Профессор поправил очки на переносице.

– Сквозь эту проклятую стену! – был ответ.

– Согласно мнению авторитетных ученых, – заявил Профессор, – такое поведение маловероятно.

– Разрази меня гром! – вскричал лакей, которому, видно, не терпелось, чтобы его разразили. – Он был там, Сквайр то есть, сидел в этом своем кресле в библиотеке. У него был этот его большущий стеклянный шар, и он смотрел сквозь него на окно. За час не вымолвил ни словечка. Не завтракал. Я зашел предложить ему кусочек персикового торта, испеченного миссис Финн. И вижу, как он – разрази меня гром, если это не так, – вижу, как он встает и выходит в большую дверь в стене. После этого он исчез и с тех пор не возвращался.

– Дверь в стене? – повторил за ним Майлз. – Это звучит не так уж таинственно.

– В стене библиотеки нет никакой двери, – продолжал Буфо. – Вот что самое таинственное.

– Или лживое, – вставил Гамп.

– Разрази меня гром! – крикнул лакей.

– Давайте взглянем на эту библиотеку, – предложил Профессор, вытаскивая внушительного вида лупу. – Здесь какой-то фокус-покус, или я не Артемис Вурцл.

Но в стенах библиотеки, как говорил Буфо, не было никакой двери. Были ряды одиночных створчатых окон в двух наружных стенах и множество стеллажей с книгами вдоль двух других. Окна были чересчур узкими, чтобы Сквайр мог в них пролезть. И вообще было маловероятно, что он стал бы заниматься подобными акробатическими трюками.

– Где была эта дверь? – спросил Профессор.

– Вон там. – Лакей указал на стеллажи.

– Потайная панель, – предположил Джонатан, который видел в этой тайне некоторую связь с романами Дж. Смитерса.

Профессор принялся снимать с полок книги и простукивать стены, а потом вышел в холл и прошел вдоль него, простукивая стену с противоположной стороны. Вернувшись через несколько минут, он категорически заявил:

– Здесь нет никаких потайных панелей. По крайней мере в этой стене. И она недостаточно широка для потайного хода.

– Это была никакая не панель, – стоял на своем лакей. – Это была дверь. Большая железная дверь. И у нее не было никакой ручки – просто большая железная дверь. Я видел то, что видел. Она открылась, и Сквайр прошел в нее, да так быстро! И он забрал с собой свой стеклянный шар.

– Где же тогда эта дверь? – спросил Буфо, у которого неправдоподобный рассказ лакея явно вызывал подозрения.

– Она исчезла. Пуф! Разрази меня гром, если это не так. Она была здесь, потом ее не стало. Просто вот так. Волшебство, я вам говорю. И я продолжаю это говорить.

– Виски, – прошептал Гамп в ухо Буфо.

– Что?! – вскричал лакей.

– Рискованное, говорю, это дело, – отозвался Гамп. – Слишком много волшебства.

– Вот именно, – подтвердил лакей.

– А что это был за шар? – спросил Джонатан, в голове которого бродили смутные подозрения.

– Тот, что он всегда носил с собой, – ответил лакей. – Который он привез с войны.

– С войны? – переспросил Профессор.

– Тот, что он забрал из Высокой Башни, – услужливо подсказал Гамп. – Вот это в его понятии и была война.

– Шар Ламбога, – пробормотал Джонатан. – Тогда, возможно, в нем все и дело...

Он собирался сказать, что, вероятно, гном приходил за шаром Ламбога – магическим стеклянным шаром, который Сквайр прошлой зимой принял в Башне за огромный шар для игры. Но прежде чем он успел закончить фразу, Майлз перебил его:

– Бэламния!

– Разумеется! – воскликнул Твикенгем.

Джонатан с Профессором обменялись многозначительными взглядами.

– Бэламния? – с удивлением переспросил Джонатан.

– Это, должно быть, она, – настаивал Майлз, полагая, что Джонатан с Профессором сообщали, что он имеет в виду. – Дверь, шар, Шелзнак – все сходится.

– Я ничего не понимаю, – заявил Гамп.

– Дверь прямо здесь, в стене! – повторил лакей, то и дело чертыхаясь.

– Послушай, – сказал ему Буфо, – сбегай в Глимби и передай мэру сообщение, хорошо?

– Ну-у, – заколебался лакей. – Я не думаю, что это входит в мои обязанности.

– Вот тебе пятерка за труды, – добавил Буфо.

– Слушаюсь, сэр! И часа не пройдет, как я все сделаю. А если пройдет, вы знаете, где я буду.

– Ага, – буркнул Гамп себе под нос, – в «Кривом Пеликане».

Буфо начал писать мэру записку – на бумаге, которую он обнаружил в стоящем в библиотеке столе Сквайра. Джонатан заглянул ему через плечо. «Берегись! – написал он. – Муравьи маршируют тра-ля-ля». И подписался: «Друг».

– Что, черт возьми, это означает? – спросил Джонатан.

– Ничего, – ответил Буфо. – Просто слегка повожу его за нос. Небольшая шутка. Мэру это пойдет на пользу – чтоб не расслаблялся.

Лакей забрал записку, вскочил на лошадь и помчался по дороге в сторону деревни Глимби.

– Мне тут пришло в голову, что во всем этом деле есть нечто, чего я не понимаю, – начал Джонатан.

– Что именно? – спросил Майлз.

– Все. Все, что я знаю, так это то, что слышал от Эскаргота, – будто этот шар каким-то образом позволяет человеку летать по свету. Тогда это показалось мне довольно бессмысленным – да и сейчас так кажется.

– Ну, – отозвался Майлз, – это еще мягко сказано. Я очень удивлюсь, если это все, что Эскаргот знает о шаре. Похоже, на свете нет ничего такого, во что Эскаргот не сунул бы свой нос, особенно когда дело касается семи Чудес Эльфов. Ты знаешь, откуда у Сквайра взялся этот шар?

– Он нашел его в Башне, точнее, в буфетной.

– А где был Эскаргот? – осведомился Майлз.

– Он был там же. Но он не особенно заинтересовался этой штуковиной, просто позволил Сквайру взять ее.

– Это как раз и поставило меня в тупик, – вмешался Профессор. – Я поспорил бы на «Большую книгу Лимпуса», что Эскаргот охотился именно за шаром, когда он с такой готовностью согласился поехать с нами вверх по реке. А потом он просто уступил его Сквайру. И даже глазом не моргнул.

– Возможно, у Эскаргота есть свой кодекс чести, – предположил Джонатан. – Он может украсть у Шелзнака, но не станет красть у Сквайра. Мне кажется, ты его недооцениваешь.

– Вы все ошибаетесь, – вмешался Твикенгем. – Пока у Эскаргота есть его подводное устройство, ему не нужен этот шар.

Майлз согласно кивнул.

– Я забыл о подводной лодке, – сказал он. – Это полностью все объясняет. Зачем человеку два ключа от одной и той же двери?

Теперь у Джонатана все окончательно смешалось в голове.

– Что все это означает? Какое отношение имеет подводная лодка Эскаргота к шару Ламбога и какое отношение то и другое имеет к дверям, появляющимся в стене библиотеки Сквайра?

Твикенгем понимающе улыбнулся:

– Это имеет отношение к природе исчезновения Сквайра. Он не исчез в полном смысле этого слова, он просто путешествует по земле, которую не ожидал найти. И в этом вся проблема, не так ли? Сквайр не знает, где он оказался и как ему вернуться обратно. Сквайр, как считает Майлз, проник на земли Бэламнии.

Джонатан с Профессором опять обменялись многозначительными взглядами. Ошибиться было невозможно. Очевидно, и Сквайр, и сокровище оказались каким-то образом в Бэламнии.

Джонатан внезапно припомнил одну вещь, которая еще больше озадачила его.

– Я как-то читал книгу об этой Бэламнии, – сказал он. – Это было, наверное, лет двадцать назад. Это была замечательная книга автора-эльфа, Глаба Бумпа. Фантастический роман.

– Глаб Бумп не писал фантастических романов, – перебил его Твикенгем. – Он был историком.

Джонатану это показалось маловероятным, потому что он смутно помнил рассказ об удивительных подводных землях и о жутких темных лесах, населенных каннибалами, гоблинами и оборотнями. Эти повествования показались ему не очень-то похожими на исторические факты, хотя, впрочем, ему в то время было всего лет двенадцать.

И все же, маловероятно это было или нет, здесь, перед ним, находились Твикенгем и Майлз, которые настаивали на том, что Сквайр каким-то образом попал в земли Бэламнии.

И если Бэламния была достаточно реальной, чтобы вместить Сквайра, то она действительно была вполне реальным миром.

– Шар Ламбога, – объяснил Твикенгем, – обладает некой силой. Непосвященным она дарит чудесные сны, как говорил Эскаргот. Для адептов она, фигурально выражаясь, служит ключом к бэламнийской двери.

– Бэламнийской двери? – Профессор относился ко всему этому чуть более скептически, чем Джонатан.

– Вот именно, – воодушевляясь, подтвердил Твикенгем. – Двери, ведущей в Бэламнию.

– Как двери кладовки? – спросил Профессор. – Или двери буфета? Это кажется довольно невероятным, не так ли? – Собеседнику явно не удалось убедить его. – Какая чудная страна, правда? Представить только, в нее входят через дверь, а не всплывают на корабле.

– На корабле попасть туда тоже можно, – подхватил Майлз. – На дне океана есть еще одна дверь, западная. Она находится где-то в районе Чудесных островов, в сотнях морских саженей ниже уровня моря. Местные жители иногда ловят там совершенно удивительных созданий: рыб-бабочек, крылатую треску, морских улиток размером с твою голову. Говорят, в самом переходе живут моллюски-наутилусы, которые выпускают песенные пузырьки, и они создают настолько дивную музыку, что, когда эти пузырьки лопаются на поверхности моря, дельфины собираются вокруг тысячами и плачут.

Профессор сидел с открытым ртом, и у него был такой вид, словно он подозревал, будто Майлз водит его за нос.

– И разумеется, именно поэтому Эскарготу не был нужен шар, – объяснил Твикенгем. – По крайней мере, он нужен ему не настолько, чтобы красть его у Сквайра, и он не будет ему нужен, пока у него есть подводная лодка.

– Но тогда нам тоже понадобится подводная лодка, – заметил Джонатан. – Нам придется найти Эскаргота и попросить, чтобы он одолжил нам свою.

– Это не так, – отозвался Майлз. – Под водой, как я уже сказал, находится западная дверь. Восточная дверь расположена в Белых Горах. На севере, за Городом Пяти Монолитов, есть еще одна дверь. О южной двери мы пока говорить не будем.

– И не надо, – вставил Твикенгем. – Двери очень похожи на людей. Есть хорошие двери и плохие двери – такие, которым лучше оставаться закрытыми. Шар Ламбога – это летучая дверь, и Сквайр каким-то образом сумел разгадать ее секрет.

– Значит, Шелзнак, должно быть, охотился за шаром, – высказал предположение Джонатан.

– Почти наверняка, – откликнулся Твикенгем. – У него отобрали два Чуда Эльфов – карманные часы и шар. Часы быстро оказались вне пределов его досягаемости. С шаром, однако, все было иначе. Тем не менее, мы были бы глупцами, если бы предположили, что им двигало желание завладеть только шаром. Я считаю, что у Сквайра есть причины опасаться за свою жизнь.

– Туман на пустоши, поросшей вереском! – воскликнул Джонатан. – Это был он – гном.

– Конечно, – подтвердил Майлз. – Он направлялся обратно в верховья реки, к южной двери.

Они рассказали Твикенгему о небольшом облачке тумана, которое висело на лугу у тропы и каким-то образом потушило их костер.

– Такие вещи как раз в его духе, – согласился Твикенгем, – затушить ваш костер. Он шел по следу Сквайра, можно в этом не сомневаться.

– Тогда нам лучше самим отправиться по этому следу, – предложил Джонатан. – Бедный Сквайр. Он понятия не имеет, где и почему он оказался. Возможно, как раз сейчас он столкнулся на узкой дорожке с поющими кальмарами, а гном охотится за ним с намерением превратить его в крылатую жабу или что-нибудь в этом роде.

– Ну, – внес свой скудный вклад Гамп, – насчет каких-то там кальмаров нам беспокоиться нечего. Сквайр их просто съест. Я видел, как он поглощает сэндвичи с кальмарами, от которых у вас бы голова пошла кругом. Чудесные были сэндвичи. И ему безразлично, что они еще и поют, – он их все равно съест. Поющий сэндвич – это как раз в стиле Сквайра.

Все посмеялись над воображаемым поющим сэндвичем, как его изобразил Гамп, но недолго. Им нужно было обговорить план действий, уложить сумки. Это превратилось в нечто вроде гонки, когда все нужно успеть сделать за короткий срок. Единственная их крошечная надежда заключалась в предположении, что Шелзнак, пусть даже он достиг Бэламнии и раньше, знает о местонахождении Сквайра не больше, чем они сами. Джонатан начинал чувствовать себя одним из детективов в романе Дж. Смитерса. Он уже задумался над тем, не купить ли ему твидовый костюм, кепку и увеличительное стекло, как у Профессора, но затем он вспомнил, что подражание героям Дж. Смитерса зачастую приводит к нежелательным последствиям, и отказался от этой мысли.

Время было слишком позднее, чтобы отправляться в путь, так что они договорились выступить в поход на следующее утро, за час до рассвета. Джонатан с Профессором решили все же не забывать о карте, которая могла бы привести их к сокровищам. В конце концов, то, что у них оказалась не одна, а две причины стремиться в Бэламнию, было удивительным совпадением, и они бы поступили глупо, если бы не воспользовались такой возможностью.

После того, как вся компания в течение двух часов обсуждала свои планы за кофе и пирогом, Джонатан с Профессором Вурцлом пошли за Майлзом в его комнату и показали ему карту. Майлз объявил документ подлинным и согласился с Профессором в том, что карта, вероятно, вычерчена осьминожьими чернилами. Однако вероятным было и то, что здесь использованы чернила речных кальмаров. Профессор был совершенно уверен, что это не так, хотя в конце концов он признал, что такие вещи трудно установить с абсолютной точностью ввиду возраста карты и сходства между чернилами, сделанными из кальмаров и осьминогов. Все подобные чернила схожи между собой. По крайней мере, так сказал Профессор. Джонатан предположил, что разногласия по поводу чернил отражают заботу Профессора о научной достоверности, так что не обратил на них особого внимания. Для него было все равно – сделаны ли эти чернила из осьминогов или из кальмаров.

– Это, должно быть, гавань Лэндсенда, – заметил Майлз, указывая на большую точку на карте. – А это река Твит, которая течет мимо города к морю. Корабль под всеми парусами может подняться по реке Твит на тысячу миль. Торговая баржа при желании может проплыть две тысячи миль. Хотя ни у одного здравомыслящего человека не возникнет такого желания. Здесь на карте можно видеть устье реки. Все это серое пространство – океан. Эти точки – острова Флэппедж. Пиратские гавани, все до одной. Это неприятный порт, Лэндсенд. Но это как раз то место, где могут быть сокровища.

– А какова вероятность, что мы туда доберемся? – спросил Джонатан.

– Как я это себе представляю, – ответил Майлз, – мы с одинаковой вероятностью удаchi можем пойти как в одном направлении, так и в другом. С тем же успехом можно отправиться и в Лэндсенд. Если узнаем что-нибудь о Сквайре, всегда сможем скорректировать курс.

– Все это слегка напоминает старую историю об иголке в стоге сена, – заметил Профессор, имея в виду их скитания в поисках Сквайра.

– Напоминает, – мрачно согласился Майлз. – Но у меня есть метод, господа, используя который мы наверняка достигнем желаемого.

Джонатан был совершенно уверен, что Майлз говорит правду. В конце концов, любого человека, который может поджечь обезьяний костюм при помощи заклинания для поджаривания тостов, хорошо иметь рядом в трудную минуту. И можно не сомневаться, что пользы от него будет больше, чем от самого обезьяньего костюма.

Глава 7. По следу сквайра

На следующее утро, когда Майлз пришел за Джонатаном и Профессором, Джонатан уже не спал. По сути, он не спал почти всю ночь, так на него подействовало возбуждение, вызванное сразу двумя причинами. Он всегда считал, что глупо беспокоиться из-за того, что ты не можешь себе представить. Это было для него одним из основных философских принципов, даже если он не всегда придерживался его на практике. Поскольку он ничего не мог сделать для Сквайра – по крайней мере в ту ночь, – его мысли в основном вертелись вокруг сокровищ. Джонатана не особо волновало богатство – во всяком случае, намного меньше, чем сами сокровища. В те два раза, когда он задремал в эту ночь, ему приснилось, что он находит огромные пещеры, набитые сокровищами, которые прятали пираты в течение пяти сотен лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.